

Вальдемар Вебер

ФОРМУЛЫ СЧАСТЬЯ

Вальдемар Вебер
ФОРМУЛЫ СЧАСТЬЯ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Вальдемар Вебер

ФОРМУЛЫ СЧАСТЬЯ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Москва • 2022

Летний сад

УДК 821.1.61.1(081.2)
ББК 84(2Рос=Рус)6
В 26

Вебер Вальдемар

В 26 Формулы счастья. Из неопубликованного. Стихотворения, стихи в прозе, малая проза, очерки. 1957– 2020 гг. . – Москва : Летний сад, 2022. – 144 с. : ил. – (Плавучий мост).

ISBN 978-5-98856-503-1

Вальдемар Вебер (род. 1944) – поэт, писатель, переводчик. Пишет на русском и немецком. «Формулы счастья» – его пятая книга на русском языке. Даты под стихами, малой прозой и очерками в данной книге, как и в других предыдущих, – не случайны. В творческой судьбе автора они связаны с невозможностью в прошлом выходить к читателю своевременно, то есть, по мере написания произведений. Заслон цензуры и вкуса литературных начальников был непреодолим. Даты под текстами становились таким образом их неотъемлемой частью.

Текстам настоящего сборника тоже пришлось по той или иной причине долго дожидаться своей встречи с читателем. В виде книги они еще не публиковались. Этим объясняется и столь необычный ее подзаголовок – «Из неопубликованного».

Вальдемар Вебер широко известен также как переводчик классической и современной немецкоязычной литературы, издатель многочисленных антологий поэзии Германии, Австрии, Швейцарии, Люксембурга, немецких поэтов Трансильвании и Баната (Румыния).

ISBN 978-5-98856-503-1

УДК 821.1.61.1(081.2)
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Вальдемар Вебер, 2022
© Летний сад, 2022

СЮЖЕТЫ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

В 70-е Вальдемар Вебер был известен в литературном кругу не только как переводчик немецкой поэзии, но и как поэт.

В Москве тогда существовало несколько поэтических семинаров, один из них в 1975–1976 годах возглавлял Борис Абрамович Слуцкий. Он старался помочь молодым авторам в освоении поэтического мастерства, кому-то сумел «пробить» публикации.

Когда в семинаре Слуцкого обсуждали стихи Вальдемара Вебера, то после его чтения началась их интенсивная критика. Присутствовавшие в большинстве своем громко выражали неодобрение: «Написано всё неуклюже, небрежно!», были вопли «Не держит размера!». Стихотворцы не поняли, что у автора формируется своя, ни на кого не похожая интонация, особая просодия. Одна поэтесса прокричала, что «это вообще не стихи, это подделка под поэзию».

«Слуцкий подвёл черту: «У Вебера есть редкое качество – он «замахивается на вершину», выбирает очень трудные темы. И пусть он срывается недалеко от подножия горы в своих попытках, но его цель – вершина». Мэтр отметил, среди «семинаристов» есть талантливые авторы, «но они пишут камерные, домашние стихи, не стараясь выйти из этого круга, не пытаясь покорить вершину». И закончил так: «Конечно, Вебера сегодня обидели, но он человек мужественный, переживёт» (цитируется по неопубликованному тексту дневников Павла Сергеева «Наедине с самим собой».

Слуцкий, один из крупнейших советских поэтов, будучи сам создателем нового стиля («проза в стихах»), понял и поддержал искания Вебера, углядел его «самость» как необходимое для пишущего качество, почувствовал поэтический потенциал уже в ранних опытах автора.

Как важно и нелегко поэту быть понятым! Тексты, написанные тогда, как сообщил мне Вальдемар, «потерялись». Позднее он, поминая в одном из писем этот эпизод, заметил, что эта его «неуклюжесть» была вполне сознательной.

С середины 70-х В. Вебер своих стихов в Советском Союзе в печать не предлагал. Он стал их публиковать только потом, в начале 90-х.

Однотомник «Формулы счастья», выходящий сейчас в издательстве «Летний сад» (поэзия, короткая проза, очерки), вмещает произведения с конца 1950-х до сегодняшних дней, не попавшие в книги, вышедшие ранее.

Книга многожанровая, но мне, знающей и ценящей и предыдущие публикации стихов, и автобиографическую прозу этого автора, хочется сказать прежде всего о корпусе поэтических текстов.

Для меня поэзия Вальдемара Вебера – всегда переживание какой-то доверительной вести, пробуждение состояний поэтической молодости. То, что он пишет, мне интересно всегда. Это искренне и адекватно. Сюжеты от первого лица, тайны биографий. Сдержанность и недоговоренность, зажигающие в читающем его собственные воспоминания. Отказ от любой словесной и смысловой игры. И – для меня главное – у автора самый большой «спрос» – с себя...

В книгах Вебера человек проявляется как свидетель исторической и психологической катастрофы, хотя показания его, как правило, лишь опосредовано говорят о драматизме самого существования личности в этой стране. Стихи Вебера – это очень достоверный фактический материал. Например, о мальчике, у которого – только у одного из класса – есть отец, или о семейной радости: «к нам из Сибири// бабушку вдруг насовсем отпустили» (между прочим, датировано так: 1957 (2019)). У поэта несокрушимая установка на сдержанность и особый неоптимистический тон, на свой конкретный опыт осмысления произошедшего и происходящего. Далеко не всякий способен и согласен разделить с этим автором его взгляды и выводы о жизни. Это тексты не для всех. Не только из-за биографии, но и по склонности Вебера скрывать эстетический компонент натуры и свою «нежную душу», в отличие от большинства наших поэтов – и очень хороших, в том числе – которые, «выворачивая душу наизнанку», именно на предельной открытости и «зарабатывают очки» у читателей.

В каждом веберовском тексте своя тема, но только поначалу стихи воспринимаются как эскизы. Высказывание поэта, если и не несет окончательного вердикта, то обязательно затрагивает «наши правды», порой лежащие в самой глубине психики и сознания. И оттого так действенны немногословные и как бы неумышленно сделанные признания, когда поэт проговаривается о своем.

Однако, эти стихи гораздо больше просто правды жизни. Мы читаем о трагедии российского дворянства и потере национальной идентичности в стихотворении «Попутчики»: «Вымарывали „фон“ из своих имен,// старые даты меняли на новые,// ходили на субботники,// собирали металлом,// заделывались ивановыми.// Сочиняли

себе биографии, // ложились на дно // коммуналок, // со стен заодно // убрав образа и фото...» и т.д. Без жалоб и обличений, только констатация... Очень страшно и очень значительно.

Возможно еще одно приближение к произведениям Вебера: они должны быть отрефлексированы и раскрыты в их философской сущности. Многие из них требуют расшифровки, выявления ассоциативных и смысловых связей с прецедентами из мировой культуры. Даже и в минималистических вещах философского плана есть ощущение настоящего времени «как продолжающейся истории». Вероятно, и на нынешнее восприятие стихов, даже если они написаны давно, влияет ситуация настоящего, драматизм европейской жизни последних лет.

Хочется цитировать строки. Удивительно, как в пишущих о его творчестве откликаются сообщения поэта, каждая его эмоция, как ценятся «новизна и глубина», открывающиеся чуткому читателю в жестких сентенциях Вебера. Как прочно запоминаются его нечастые метафоры, когда, например, в стихотворении «Сожженный германский город» автор видит себя в нем: «почтовый голубь // с посланием, / которое некому передать...».

Несмотря на лаконизм (и даже аскетизм) стиля и на обычно небольшой объем стихотворений, они очень ёмки.

Поразительна трансляция видимых образов, кадров, мгновенных фото. Хотя художественные средства сознательно ограничены, от этого скупого на слова текста включаешься почти телепатически, но – видишь!

Потрясающие признания из нетривиального жизненного опыта, экзистенциальные открытия... Вот начало стихотворения, посвященного Виталию Штемпелю, оно саркастически названо «Повезло»:

Наше счастье, что мы –
не сыны палачей,
что мы – из семьи убитых,
оклеветанных и забытых,
что не надо нам опускать очей,
повстречавши однажды
потомков жертв,
у которых в груди
словно кратер отверст...

Или нерифмованное – о внимании Господа-Бога, которое чувствует к себе художник:

Вновь запекает ранняя птица
и распускается роза,
и ты ощущаешь себя
заодно с рассветом...
Похоже, создателю ты еще нужен,
и пока не исполнил
всех своих обязательств, –
раз он каждое утро,
свой резец вложив тебе в руку,
как всегда, говорит:
«Давай!»

О комплексе неполноценности, наследии долгого унизительно-го существования, когда человек пытается как-то оправдать свою социальную и духовную недееспособность, осознаваемую, но неизбежную в целых поколениях советских людей: «Барменша за стойкой// терпеливо внимает рассказам// измотанных жизнью женщин,// рассказам мужчин,// заходящих в бар незаметно,// как невидимки,// чтоб через час или два// уйти с геройской осанкой.// В который раз она слышит слова,// те, что чаще всего говорят,// головую склонившись на стойку,// говорят,// «кабы», «если бы», «лучше б», «надо бы»,// жизнь несостоявшихся,// жизнь в сослагательном наклонении»...

В то же время бывает и так, что людские чувства и интимные переживания, обычно категорически скрываемые, предельно обнажены и предъявлены стихами Вебера как общечеловеческий опыт. Поток грустных истин, записанных без знаков препинания:

Любовь с женщиной
много любившей
недолубившей
ты не можешь ей дать ничего
чего бы она
не испытала с другими
лишь вкушать остатки
из винного погреба
ее страсти

Та подлинная печаль существования, которой отмечены стихи Вебера, его мироощущение, его скепсис – черты, свойственные мыслящему российскому меньшинству второй половины XX века с его отрицанием романтизма и пафоса, с трезвостью ума, с повышенной ответственностью в произнесении слова «любовь».

Здесь много горечи, но эмпатия как осознанное сопереживание мукам других людей очищает чувство безнадежности, превращая знания о происходящем в эпохальные записи. Выразительность же поэтического письма в принятой автором системе позволяет читающему эти, казалось бы, бесстрастные строки, ощутить вдруг момент «утоления печалей» и даже душевный восторг с благодарностью за то, что так точно, так хорошо сказано.

Неожиданная красота, порой «красота безобразного» обнаруживается как некое волшебство. Житейские реалии вдруг выходят в экзотические образы, в таинственные символы, становятся многозначными. Таково «Чаепитие у восточных фризов».

В чашки кладут белые леденцы,
словно сколки льда с приморской скалы.
Наливают крепкий процеженный чай,
и слушают, как леденцы потрескивают.
Добавляют ложечкой сливки –
круговым движением по краю чашки –
обязательно против часовой стрелки.
Таким способом обозначают остановку времени
в течение всей церемонии чаепития.
Кому, как ни им, поморам,
знать, что такое время,
как оно холодно и неумолимо.

Кроме того, книга показывает возможности свободного стиха: даже в коротком верлибре автору удастся сказать очень много, причем сказать впервые. Именно на текстах Вебера мне стали понятны преимущества этого стиля. Лишних слов нет, потому что рифмовать не надо, и стихотворение является самой оптимальной формой душевного откровения.

Здесь немало строк, звучащих как афоризмы. На фоне эпидемии, которую мы все пережили, со мной как раз происходит замеченное поэтом: «вдруг задумываешься о том, о чем только и нужно думать».

Ольга Постникова

Что бы ни совершал,
Каждый раз спрашивай себя:
«А Христос так поступил бы?»
Этого достаточно.

Кристиан Моргенштерн

Сухое копьё воткнули мне в сердце.
Сказали: «Жди, покуда зазеленеет!»

Блаже Конески

1989 г.

I. Стихотворения

*

Вновь запекает ранняя птица
и распускается роза,
и ты ощущаешь себя
заодно с рассветом...
Похоже, создателю ты еще нужен,
и пока не исполнил
всех своих обязательств, –
раз он каждое утро,
свой резец вложив тебе в руку,
как всегда, говорит:
«Давай!»

2020

*

Осень.
Никому не слышно
робкого звука
на землю падающих семян...

1978

СТАРИННЫЙ ФАРФОР

Марине Гарбер

Как от пустых разговоров
до сих пор не увяли
бутоны этих чашек?
И как они умеют себя держать
в течение всего застолья!
Это от благородства, от воспитания,
первейший постулат которого –
не показывать свои чувства.

2014

ЛЕТНИЙ САД

Небесным воздухом,
птичьим пеньем
сад наполнен и упоён.
За оградой на пыльной дороге играют дети...
О как мало мы знаем о таинстве,
имя которого
созревание,
зависящего, быть может,
от одной лишь облачной тени
или угла наклона
ласточкиного полета.

1975

ОТТЕПЕЛЬ

За пустырями прозрачнеют дали,
снег прекращается, словно подняли
белые шторы большого окна,
полдень всплывает будто со дна
света бездонного... все теперь в мире
будет иначе, к нам из Сибири
бабушку вдруг насовсем отпустили,
в спальный вагон ей плацкарту купили.
Белые простыни, проводница,
шумных попутчиков добрые лица,
снабженец, геолог, и даже мент,
его не коробит ее акцент.
Чай в подстаканниках с видом Кремля.
Та же дорога. Та же земля.

1957 (2019)

ЛЮТЕРАНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК

Запирались двери.
Закрывались ставни.
Мир вокруг не должен был
знать о нашей тайне.
Господа учителю почитать не гоже...
От любви ближнего
охрани нас, Боже!
Лишь соседка Настя с нами за столом
пост свой нарушала сдобным пирогом.
Праздник неурочный
бабушкиной ёлки.
А гудки фабричные
воют точно волки.

1958 (2016)

ПАСХА 1957

Всюду по городу
шелуха от яиц
слякоть
лужи
пьяные
лицем ниц
Попей-ка, братец водицы святой
Пасха праздник всегда живой
Теперь до Троицы
гульба что ни день
Первомай
День Печати
Победы День
А дальше черемуха и сирень
Ломай не хочу
и рубись в очко
Веселое времячко

2000

ПОПУТЧИКИ

Ольге Медведко

Вымарывали «фон» из своих имен,
старые даты меняли на новые,
ходили на субботники,
собирали металлом,
заделывались ивановыми.
Сочиняли себе биографии,
ложились на дно
коммуналок,
со стен заодно
убрав образа и фото...
В фамильных альбомах
тех лиц дорогое вино
томилось, надеясь еще на что-то.
Еще год, еще миг, и исчезнет, казалось,
этот морок дурной, потерпи еще малость...
Кажись, не кажись,
растянулось на целую жись.

2022

*

Сколько их было,
вернувшихся
с фронта и Соловков,
выживших, но загнущихся
уже через пару годков.
Кто их помнил в победной драме
под литавры и барабаны,
их,
не разгуливавших с рукавами,
засунутыми в карманы.

2016

ДЯДЯ ВИТЯ

*Из газеты, год 1938-й: «Взят с поличным
главинженер суконной фабрики в поселке Обухово.
Занимаясь вредительством в пользу Германии,
он тайно ночами откручивал гайки с текстильных станков.
Станки выходили из строя».*

Он сознался во всем.
Отсидел десять лет.
Примерно столько же «на свободе»
размышлял над тем, для чего
от него так настойчиво добивались
чистосердечной лжи,
и где, и кому на свете
она бы могла стать полезной.

2020

ДЯДЯ ЯКОВ

Из всех его долгих лагерных дней
память лучше всего сохранила тот,
когда никого не пришлось хоронить.

2019

ГРУЗ ПАМЯТИ

Не помнить нельзя,
преступление – забыть,
и, тем не менее,
часть этого груза
стремишься избыть,
нет памяти без забвения.

Не шито-крыто,

защита

от проклятия подсознания,
пожизненно длящегося дознания,
ни любить не дающего, ни дружить,
даже просто быть вместе...

Цепочка фактов взывает к мести,
за безумьем которой
в обозримости скорой
ничего не предвидится,
не разверзнется небо,
горизонт не приблизится.

Меж тем, кто ему противится
и кто ему пособляет,
забвение не отличает.

2019

ПОВЕЗЛО

Виталию Штемплю

Наше счастье, что мы –
не сыны палачей,
что мы – из семьи убитых,
оклеветанных и забытых,
что не надо нам опускать очей,
повстречавши однажды
потомков жертв,
у которых в груди
словно кратер отверст...

Нам с тобой повезло. С тем везеньем живем.
Только нашей заслуги нисколько нет в том,
как на них, невезучих, – той самой вины,
в ад превращающей дни и сны...

О, памяти мёртворождающий голем,
копилка с прожорливым дном!
Грохнуть бы оземь,
и дело с концом!

Да только она не бьется...

2019

*

Радость первого снега.
Каждая снежинка,
как перышко ангела.

1965

*

Самые хорошие улыбки у тех,
кто редко улыбается.

2016

*

Детство – дом,
где тебя ждут,
где пекут хлеб,
где им
не попрекают.

2005

*

Бог дал тебе
время, землю.
О хлебе, вине
позаботься сам.

2005

*

Утро. Звон колокола за рекой.
На подушке,
как бабочка,
твоя ладошка...
Боюсь шелохнуться.

1972

*

С древа жизни
опавшие ветви и листья.
Сгорая, они согревают мне руки.
На большее не хватает.

2014

*

Нужно было прочесть
сотни книг,
чтобы задуматься
о несказанном в них.

2017

*

Новое тысячелетие
не сулит
никаких гарантий.
Кроме даты смерти,
что тверже кремня.

2000

*

Дети изгнанных,
потерявшие родину
еще до рожденья.

2021

*

Самое обидное,
что книги,
которых уже не прочту,
об этом не пожалеют.

2013

*

Огни загораются,
чтобы дать представленье о мраке.

2017

*

Не могущим взлететь
не обязательно ползать.

2001

ПРОГРЕСС

Стиснув зубы,
идти вперед,
пусть даже
не в том направлении.

2012

*

Противники владения оружием
предпочитают
совершать убийства
словом

2014

ЭХО ОХОТЫ

Сообщают: телохранитель, чье плечо многие годы
служило подпоркой при стрельбе
ружьёю старого Хоннекера, –
недавно оглох на правое ухо.

1996

*

Все критики сходились на том,
что неудачи писателя Н. связаны с тем,
что он недостаточно хорошо знает своих героев,
точнее, что он так и не научился
подглядывать в замочную скважину.

2021

*

Я на свет появился случайно,
никто меня тут не ждал.
Зачни я детей своих на день позже,
это были б другие дети.
Но смерть не случайность –
возвращенье в гнездо родовое –
и есть надежда,
что там тебя ждут.

2015

*

Сознаешь лишь с годами,
что звезды повсюду – всё те же.
Но есть небо в сердце твоём.

2019

*

Ночь всегда далеко.
День бесконечен, как жизнь,
и тягучий асфальт,
что плавится под тобой,
не вызывает страха.
Даже когда закат
разольется, как кровь твоя,
и солнце утонет в реке,
так верить легко,
что ночь далеко.
что ночь еще далеко...

2015

*

О, ветер пустыни,
песчаные смерчи, мутные миражи,
в которых пляшут уродцы.
Жизнь продолжается,
несмотря на все подлости и коварства
и жалкое тщание
их изничтожить.
Тем, кто живет по правде,
не воздается...
У великой степи нет морали,
лишь сострадание
в виде
глотка воды,
луча солнца,
куска хлеба

2009

ЗИМНЕЕ КУНЦЕВО

Кладбище совзлиты.
Плечом к плечу жертвы и палачи.
Словно в снегу на скамейках бульвара
пенсионеры за игрой в домино...

Беззубый мир,
ни знаков отличия,
ни следов от наручников.
Мирное сосуществование.

1988

НА РОК-КОНЦЕРТЕ

Лиц не видно,
лишь рук колыханье.
Звезда на сцене –
плавающая медуза
на берегу океана.

2014

*

Из пяти чувств доверяю лишь зрению.
Остальные его спутники
не раз меня подводили.
Чтобы «заработали» и они,
нужно, наверно, ослепнуть.

2015

РАЗДЕЛЕННОЕ ГОРЕ

I.

Разделенная радость.
Но горе?..
Признайся,
у тебя не хватает мужества
с ним остаться
наедине...

II.

Скорбь сочувствующих
облегчает боль,
хотя понимаешь,
их печаль – от страха,
что подобное с ними
тоже может случиться...

1995

*

Рассказываешь мне о своих снах,
беспричинных,
тревожных,
бездонных...
У меня – никаких,
вернее,
я их забываю сразу же при пробуждении.
Видимо, не без причины.

1980

МИРАЖИ

Юлии Покровской

Один честный поэт признался,
звуки немецкой речи
у него вызывают
металлический привкус во рту.
О, незлопамятный русский слух,
и я не раз замечал,
мое имя
приводит тебя в смущенье.
Надо бы взять псевдоним,
да теперь уже поздно,
тогда молодым
я не знал,
что не только опыт
правит людским сознанием.
Гораздо родней миражи,
достаточно чарки водки, –
и уже издали доносится
эхо татарских копыт.

2015

*

Жизнь – игра!
Коли так,
наступает
последняя фаза,
время тает,
а ставки растут и растут...

2014

*

Договор со смертью
заключаешь
уже на пороге жизни.
И вот пред тобой
последние
два или три рывка.
Их протяженность
можешь измерить аршином прожитых лет.
Как несправедлив договор!
Твой партнер отдает тебе
лишь частицу того,
чем владеет,
себе ж забирает тебя всего,
со всем твоим мирозданием.

1985

*

Жизнь замедляет шаг.
Куда торопиться
когда пути –
почти ничего,
а времени –
вечность.

2014

*

Не раз убеждался:
равнодушные к золоту
обладают даром
превращать все,
к чему прикасаются,
в золото.

2002

*

Муравьи нового века,
влачим на себе
все, что можно спасти,
всех убитых и выживших,
виновных и оклеветанных,
воинов и жрецов.
Время оправдываться прошло.
Трудимся.

2010

*

Жизнь – владение малым
с ненасытным желанием
обладать многим.
Смерть – приобретение всего.

2013

*

Беспризорные дети.
Будто рожденные
галками и голубями.

2016

*

Диктатора изображали в кино там,
где он был и не был.
Последнее не искажало правды.
Он был везде.

2016

*

Библиотеки в странах тиранов
по сути тюремные библиотеки.

2014

В НОЧЬ НА СВЯТОГО НИКОЛАЯ

Словно дитя, выставляю туфли
за дверь,
на коврик...
Чтобы утром
опять заглянуть
в их завораживающую
пустоту

2017

*

Материнским костям,
праху отца
говорят на прощанье:
«Я приду вам вослед».
От могилы собственного ребенка
дорога не знает пути.

2020

УТЕШЕНИЕ

Рублю ветви дерева,
поваленного грозой,
нашептывая ему:
«Если б не я,
поверь,
это сделал бы кто-то другой».

1979

*

У немецких кафельщиков свой жаргон.
Черную плитку они называют
То «малевичем», то «казимиром».
В чем разница, я так и не понял.
Проникнуть в оттенки черного
мне, видимо, не дано.

2016

*

Вновь приехал в Таллин через пять лет.
Остановился в той же гостинице.
Спустился в бар.
Барменша, готовя мне кофе,
сказала:
«Вы у нас стали реже бывать».

2012

БРОСИТЬ МУЗЫКУ

Закрыв клавиатурную крышку
и больше никогда не прикасался к клавишам,
понял, что его оставила благодать,
и ее, как женщину, уже не вернуть,
ощутил пепел на подушечках пальцев.

1970-2016

МОЙ САД

Листья поблекли.
Ветви скрипят все грустнее.
Ветер, разбойник,
рыщет в ветвях
в поисках гнилых плодов,
ни одного не находит.

2013

*

Мир не остановится
ни на миг,
когда меня вдруг не станет.
Знавшие меня,
будут все также куда-то спешить,
осведомясь для приличия,
где и когда панихида,
зная,
что не придут...

1992

ЧАЕПИТИЕ У ВОСТОЧНЫХ ФРИЗОВ

В чашки кладут белые леденцы,
словно сколки льда с приморской скалы.
Наливают крепкий процеженный чай,
и слушают, как леденцы потрескивают.
Добавляют ложечкой сливки –
круговым движением по краю чашки –
обязательно против часовой стрелки.
Таким способом обозначают остановку времени
в течение всей церемонии чаепития.
Кому, как ни им, поморам,
знать, что такое время,
как оно холодно и неумолимо.
Но сейчас им удастся навязать ему свою волю.
И каждый глядит на свое
сливочное облако
на поверхности чая...

2018

*

На парад «Бессмертного полка»
школьник явился без фотографий.
Учительница спросила:
«Неужто во всей родне не нашлось одного солдата?
Разузнай получше, в следующий раз
не приходи с пустыми руками!»
Школьник трудился, разузнавал,
приставал с расспросами к матери и отцу.
Оказалось, один – враг народа,
другой – отщепенец, третий – перерожденец.
А среди бабушек, как назло,
ни одной сестры милосердия.
Школьнику не хотелось вновь
«приходить с пустыми руками»,
и он принес снимки деда, прадеда, даже прапра...
Все в телогрейках. Учительница сказала:
«Хоть бы один с винтовкой, сошел бы за партизана».

2017

*

Отжившие идеи, затонувшие корабли.
Лишь бы не создавали помех судоходству.
Остальное обеспечит подводная археология.
Объяснит нам погрешности их конструкций.

2016

*

Додуматься надо:
крематорий в помещении бывшего монастыря.
Так его в народе и звали:
Крематорий Донского монастыря.
В Магадане обходились без печек.
«А ну их к мамонту!» – приказывал босс.
Когда в котлован валили замерзшие трупы,
с хрустом ломались ноги и руки.

1968

*

После всего пережитого никакой усталости.
Вот бы теперь,
в состоянии бодрой мудрости,
и начать составлять грандиозные планы.
Но жизни не нужны моложавые мудрецы.
Ей подавай молодых безумцев.

2018

КОНЕЦ ИСТОРИИ

Не обольщайтесь,
всему свой час,
новый объявится энтузиаст, –
не все ли равно,
демократ иль тиран,
разобьет на отшибе свой стан,
пойдет куролесить,
ваньку валять,
новые песни
петь-распевать,
и мир песнь за песней
начнет забывать,
о том, что тут было,
но как-то вдруг сплыло,
и лень вспоминать...
«Пусть расскажет, блин, снова,
где зерно, где полова!»
И толпа опять
головой качать
будет,
внимая речам его:
«А чаво?! Ничаво!»

1992

*

Все прожито, все пережито, ныне
любой счастливый день, как рецидив
иль как кротовый холмик на равнине...
Все пройдено и отдано в архив.

И посему не так уж интересно,
что там в итоге, грош иль золотой,
шагнув за ту черту, где гений места
уже не властен больше над тобой.

2018

СОН

Сожженный германский город.
Безлюдный,
безмолвный,
и я в нем –
почтовый голубь
с посланием,
которое некому передать...

2014

*

Продержался.
Ноябрьское солнце
мне запомнится бережно кротким.
Полдень ласково греет
через фланель сорочки.
Виноград последнего сбора,
еще не тронутый первым морозом.

*

Делающий добро не знает об этом.
Подобное знание
свело б для него на нет
ценность творимого им.
Большинство добрых поступков
остаются поэтому безымянными.
И слава Богу!

2018

*

Реки
и люди
засоряются
по мере того,
как
обретают
величье

1970

В ПАРКЕ

В аллеях этих больше я не жду
встреч новых... Божеству воспоминаний
в парк неосуществленных упований
теперь я помолиться прихожу.

Минувшего загадочный излишек.
Напрасных дней бездонная криница.
Хотя бы для того, чтобы услышать
шум ветра в кронах, стоило родиться.

2016

АЛЕКСАНДРУ РАДАШКЕВИЧУ

Странствуя,
нахожу себе равных,
безземельных, бездомных,
с молитвами о милосердии,
ищущих
траву раскаяния,
траву прощения...
Да и разве мы безземельны?
Разве земля не готова
принять нас в любое время,
где б мы ни оказались?
Разве потом не слетятся все пчелы
к цветам,
склоненным главами к земле
на наших могилах.

2013

ВЫМИРАЮЩЕЕ ЖИВОТНОЕ

Якоб Линд, известный прозаик, родом из Вены, эмигрировавший в Израиль, затем в Лондон, перешедший в конце концов на английский, уверял меня на одной из писательских встреч, что немецкий язык – вымирающее животное, и что, если думать о будущем своих книг, писать на нём нет никакого резона. «Меня же будут читать и через сотни лет», – сказал он, жуя бутерброд, и с такой искренней убежденностью, что мне на миг показалось, что он, действительно, верит в то, что говорит...

1996

ИЗРАИЛЬТЯНКА

Приказала себе
ненавидеть все немецкое,
например, изюмный пирог,
вкус которого так любила,
губную гармошку,
чей звук был ей мил и дорог,
так как еще в колыбели
ей играл на ней старший брат.
Но больше всего ненавидела сам язык,
так и оставшийся ей родным,
употреблять который, однако,
себе она не позволяла,
лишь писала на нем родителям,
ибо другого они не знали...
Без приязни думала
даже о самом лучшем,
изначальном, исходном,
однажды
на сём языке пережитом:
первых книжках,
первой любви,
первых успехах...
Дожила до седин,
питаюсь ненавистью к себе,
словно хлебом насущным.

1979

СИЛА СТОЯНИЯ

На плите закипает вода для кофе.
Я жду.
Минуты, часы стояния.
В очереди у кассы.
На перроне вокзала.
В ожидании загрузки компьютера.
Вынужденное безделие,
когда вдруг задумываешься о том,
о чем только и нужно думать,
но в суете забываешь
и вот вспоминаешь...
Миг надежды, что запах кофе
все сразу тебе объяснит.

2006

ДАНЦИГ

А.Ренанскому

Льстец-летописец,
лукавый жрец,
в конце концов сходит с ума...

И тогда история берется за дело сама,
и начинается страшная кутерьма,
и тут не до правды уже, не до лжи,
слова, как ножи.

Но вот чей-то голос
иначе, чем все, говорит,
одуматься просит, зовет врача,
находит «правильные» слова...
Вон и шапка уже на воре не горит,
а у пальто с чужого плеча
подрезаны рукава.

2016

*

Коллективная вина –
расхожий софизм,
призванный заставить
раскошелиться невиновных.

2018

*

У чужбины есть все,
кроме дара сочувствия.

2020

*

Отпусти из души своей
ястреба
на свободу

2018

*

Голая правда.
Какая мерзкая нагота.

2020

АРВО МЕТСУ

I.

Счастливые не знают,
что существуют несчастные.
Рассказывают им про свои огорчения.
Никакой разницы
между схватившими насморк
и выжившими в цунами.

II.

Никакого отличия
между
твердыми принципами
и приемами грабежа.

2016

КРАСОТА БЕЗОБРАЗНОГО

Осенью 73-го
я бродил по Восточному Берлину
в компании с художницей.
Куда б мы ни шли,
упирались в Стену,
или она сама вставала у нас на пути.
Меня поражала
ее жестокая обыденность.
Мою спутницу занимало другое.
«Ах, какая она некрасивая!» – причитала художница, –
«ну зачем этот серый унылый бетон,
рядом с ним все мертвеет...
и предсмертный крик в ночи
должен быть прекрасным,
и он тоже...»

2018

ГИПОТЕЗА

Те, кто способны поверить,
что происходят от обезьян,
происходят, по всей видимости,
от обезьян.

2000

ГЕРМАНИЯ 1945

Огонь уничтожает лишь то,
что может гореть.
Когда он стихает,
из развалин
выбирается
несгораемое,
само себе
расчищает путь.

2020

*

Традиции
сродни плантациям рабства,
где рабами
люди знатных сословий
порабощенных царств,
забывшие
о своем прошлом.

2017

СИБИРЬ

Зимой крепкие напитки
приближают приход весны.
Ощущение,
что скатываешься
навстречу ей
с горки.

2006

ФОРМУЛЫ СЧАСТЬЯ

Счастье это когда
выздоровливает твой ребенок

когда
о себе забываешь

когда понимаешь
что тебя никто не обязывал
быть счастливым

2002

ПАНДЕМИЯ

Спасибо защитным маскам.
Кажется, мы впервые
заглянули друг другу в глаза.

2020

*

То черкнёт пару строк старый друг,
то читатель откликнется вдруг...
Нешто недругов не осталось?
Мирная старость.

Твое дело теперь – слушать волн прибой,
слов последних его дожидаться.
Никогда так подолгу с самим собой
не случалось тебе общаться.

2020

*

Барменша за стойкой
терпеливо внимает рассказам
измотанных жизнью женщин,
рассказам мужчин,
заходящих в бар незаметно,
как невидимки,
чтоб через час или два
уйти с героической осанкой.
В который раз она слышит слова,
те, что чаще всего говорят,
головую склонившись на стойку,
«кабы», «если бы», «лучше б», «надо бы»,
жизнь несостоявшихся,
жизнь в сослагательном наклонении.
Здесь у стойки,
как у дорожной развилки,
они просят сказать им,
куда им идти.

Хотя бы разок
поменяться с ними ролями.

2015

НАСТУПИТ ДЕНЬ

Наступит день, обычный день, когда
ты или я – проснемся друг без друга.
Все будет, как вчера, и как всегда,
наш дом и сад, и тихая округа...
На стрелке у слияния двух рек
поток у вслед глядящий человек,
не ведающий дальше ни полшага...
Небурных вод безжалостная тяга.
Куда и для чего они текут?
И для кого их неотступный труд?
В соседнем доме вдруг заплачут дети
и церковь прозвонит им в лад,
никто ему на это не ответит
на всей земле, лишь отведет свой взгляд.

2013

ИЗ КНИГИ «СТИХИ О ЛЮБВИ»

КАТАЛОНСКИЙ ВЕЧЕР

Фиалковый цвет залива.
Тоска неутолённого дня.
В церкви душно.
Ждут священника,
помахивая веерами, как в концерте.
Круги, полукружья, локтей колыханье...
Перекличка улыбок, взглядов...
Язык веера...
Начинается месса.
Но вот все вееры сложены,
как ладони перед Святой Девой.

НА МОТИВ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ НАДПИСИ

Ах, когда бы я был
летним платьем,
которому ведомы
все горы и долины
твоего тела,
летним ветром,
осушающим твои губы,
которые ты, как губкой,
увлажняешь своим языком,
песней дня
в раковинах твоего слуха,
окрыляющей твое сердце
неведомую тоской.

*

В неразделенной любви
есть особенная свобода.
Можешь брать с собой
хоть на край земли,
перемещаться с нею
из света в тень и обратно,
и быть абсолютно уверенным
в ее верности.

*

Где-то совсем далеко
на речных берегах твоих глаз
под плакучими ивами твоих ресниц
доживаю жизнь детства
ловлю пескарей и гольцов
пахну тиной

*

Лишь мой взгляд
делает тебя такой,
какая ты есть,
прядет
золотые секунды,
серебряные минуты,
сущность твою извлекает
из молочных туманов,
из паутины лета,
из плоти розы...

*

По утрам к твоему изголовью
приношу незабудок букет...
Опьяняться твоей любовью
не мешает мне божий свет.
Позволять голубиной стае
быть свидетелем наших ласк –
так похоже на сон о рае,
мною виденный только раз.

*

Великих деяния –
всеобщее достояние.
Разбирают по камушкам, по песчинкам,
кому жемчужина, а кому росинка...
Что поделаться с породой людской, –
благодарности никакой!
И я,
когда от огня твоих глаз
хмелею,
не вспоминаю о Прометее.

*

Чтобы ночь любви удалась,
кроме страсти,
нужно совсем немного:
хлеб, вино, запах соли
морской,
свечи, спички, сухие дрова,
черновик,
чтобы дать дровам разгореться...
И еще какая-то малость,
незримая, без названья,
не сгорающая в огне...

*

Она ушла,
как всегда торопясь и тревожась,
и ему стало страшно от мысли,
что однажды она не вернется
а он... сможет жить без нее...
Что проснувшись воскресным утром,
будет долго лежать в постели,
не желая вставать,
но в конце концов
заставит себя подняться,
и выйдет на тесный балкон
насладиться лучами солнца, —
страшно от мысли, что без нее
он сможет вообще чем-нибудь наслаждаться,
что не умрет, и что свет вокруг не померкнет...

*

Трава, на которой мы валялись в последний раз,
принимавшая очертания наших тел,
снова выпрямилась, не помнит...
День, улетевший в небесную синеву,
развеялся, словно его и не было вовсе.
День, рожденный не для того,
чтоб остаться в анналах эпохи...

*

Вечная тайна жизни.
Одни влюбленные знают разгадку,
но так заняты собой,
что каждый раз забывают
открыть ее миру,
а после не могут вспомнить.

*

Время как пыль, как пепел.
Слышишь стук сердца?
Оно еще бьется...
В свете заката спеет
гранат еще длящейся жизни,
в свой сок вбирает
последние радость и горечь...

*

Любовь с женщиной
много любившей
недолюбившей
ты не можешь ей дать ничего
чего бы она
не испытала с другими
лишь вкушать остатки
из винного погреба
ее страсти

*

Лежа на краю кровати,
смотрел на тебя,
спящую, разметавшуюся...
Музыка твоего сна
докатывалась до меня
волнами из глубины.
Тот сон оправдывал все,
все безумства твои и утраты,
и меня, бесприютного,
на берегу твоих сновидений.

*

Не надо метафор
они ничего не расскажут
ни о втором поцелуе
ни о старом диване
где кануло время
ни о беспамятстве
ни о тяжести пробужденья
назови все как есть
без метафор
возьми простые слова
насущные
несравненные
сравненья – для тех
кому этих слов не хватает

*

Ее любовь как неожиданный оазис в пустыне,
не фата моргана – настоящий оазис
с розариями, арыками, сладким инжиром.
Когда возвращался,
не смог его отыскать.

*

Любовь,
которой нельзя быть.
Путь к ней,
как над пропастью по канату.
Даже если пройдешь по нему,
не сорвавшись, –
там, на другой стороне,
не одолеешь отчаянья.

*

«На исходе дней моих...» – эту фразу
он не раз повторял в свою позднюю фазу.
В пятьдесят, в шестьдесят и позднее...
Годы шли, а «исход» продолжался,
он прощался, но снова влюблялся,
с каждой новой весной все сильнее.
И писал в сотый раз о последней весне,
о последней любви, о прощальном сне.
Годы шли, а «исход» продолжался.

II. Стихи в прозе

НА МОТИВ ШУБЕРТА

Не вера, а ощущение подключенности к бесконечности,
к той, что будет после тебя, что была до тебя.

Ты пришел оттуда, и лишь задержался по дороге туда,
присел у колодца, у старых ворот, под вечную
шубертовской липой, и вот-вот направишься дальше.

2004

СВАДЕБНОЕ ПЛАТЬЕ ПРАБАБУШКИ

Свадебное платье прабабушки пролежало в родной коробке больше ста лет. Его бережно сохраняли и при всех переездах забирали с собой.

Коробка занимала много места. Но никто не роптал.

Когда нас выселяли, нашлись добрые люди, вызвавшиеся спрятать ее на своем чердаке до нашего возвращения.

Прабабушка никогда после свадьбы не вынимала платья из коробки. Соблазн извлечь его после ее смерти был подобен желанию раскупорить бутылку старого вина.

Говорят, оно порой оказывается безвкусным.

Платье прабабушки рассыпалось на наших глазах цветочной пылью.

2013

ГОРНЫЙ ОТЕЛЬ У ПОДНОЖИЯ МАТТЕРХОРНА

В фойе родители шестнадцатилетнего сына ждут вместе с другими гостями возвращения группы восходителей на вершину. Все обеспокоены – за окнами непогода.

Вот они узнают, что их сын погиб, они в отчаянии, но отец находит в себе силы спросить, когда это случилось: при восхождении или во время спуска.

Ему отвечают: во время спуска... «Значит, он был на вершине!»

2013

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Сумерки в летней электричке, когда уже невозможно читать, а свет еще не включили. Поднимаешь глаза и начинаешь видеть людей, до этого ты предпочитал им книгу.

Голоса приглушены. Квадратность лиц смягчена.

Момент нежности ко всему и вся. Будто всё вдруг пришло меж собой в гармонию и запело добрую грустную песню...

Но вот включается освещение, являет обшарпанные стены, плевки на полу и громко хлопающих дверьми милиционеров.

1978

КОШКА ПОД ДЕРЕВОМ

Кошка, притаившаяся под деревом, терпеливо ждущая, когда птенец при попытке первого взлета сорвется в траву, – вовсе не опьянена красотой сада, шумом листвы.

Она вся в ожидании чужой роковой ошибки.

Птенца она есть не станет, только придушит.

В ней уживаются инстинкт охотника с отсутствием необходимости добывать себе пищу. И хотя причина её хищности – всё тот же инстинкт выживания, предмет ее не суть важен.

Это всего лишь инерция, инстинкт проявляется, даже когда не востребован.

В нем заложено сущностное, изначальное, и если его у нее отнять, она перестанет быть кошкой, зверем, хотя и домашним, но все же зверем.

А когда человек прекращает быть человеком?

1975

ГОРЕЧЬ СУМЕРЕК

Воспевание счастья – не удел поэзии. Она словно стесняется этого. Редко поет гимны солнцу, ей ближе горечь сумерек, огни во мраке. Любит, пройдя сквозь распутицу и мглу, постучаться в двери чужого дома, согреться у печки, и, пожелав приютившим ее удачи, снова отправиться в неизвестность.

2013

ЩЕГОЛ

Щуплые переносят мороз труднее. Но в щегле всего пятнадцать граммов, а он щебечет, прыгает по веткам, гремит мерзлыми шишками. У него на оранжевой грудке под перышками пух, волосинки которого заряжаются трением друг о друга. Отталкиваясь, они автоматически распушаются и образуют непроницаемую подушку теплого воздуха. Я в этом мало смыслю, и меньше всего думаю о «физике» – гляжу с восхищением на дерзкую крошечную пташку, радостно ищущую корм на тридцатиградусном морозе.

1965

ТУРНИРЫ ЩЕГЛОВ

В моем детстве у многих жителей Карабанова была страсть держать щеглов, не канареек, – именно щеглов. Устраивали состязания. Меня пригласил на одно из них наш сосед Иван Ильич, а его позвали, потому что он умел играть на балалайке.

Клетка со щеглом покрывалась чехлом-накидкой, и Иван Ильич играл какую-нибудь короткую пьесу. Сбрасывали накидку, и щегол заливался, импровизируя на заданную тему.

Жюри из птицеловов определяло, чей щегол победитель. Призом для хозяина победившего была литровая бутылка самогона, которую все участники потом вместе распивали, закусывая принесенными из дома салом и ржаным хлебом.

Я был так потрясен увиденным и услышанным, что на следующий день выменял на щегла с клеткой свой проектор для диафильмов.

Но у меня щегол почему-то не пел, всю зиму молчал, хотя я его выхаживал и играл ему на фортепьяно. В мае я открыл клетку и поставил ее на подоконник распахнутого окна. Щегол вылетел и сразу запел...

Несколько раз он потом прилетал, сидел на ветке перед окном, словно снова просился в клетку.

А, может быть, это был вовсе не мой щегол. Но мне очень хотелось, чтобы и ему было грустно со мной расставаться.

ТА ЖЕ ПРИРОДА

Осенняя тайга. Болотный мох, сверху сухой и теплый.
Стелящийся огонь спелой брусники. Синь озер.
Осиново-березовая желтизна прибрежных перелесков.
Факелы горящей нефти.

«Нефть – та же природа», – убеждает меня совхозный
рыбак, разводящий в иртышских заводях с масляными
разводами волжского осетра.

1975

ПАУК

Я вернулся из отпуска в середине августа. День был солнечный, теплый, и я подумал, что не стоило уезжать на юг от такой погоды. Ехал с аэродрома и предвкушал, как войду в кабинет, залитый оранжевым закатом, увижу письменный стол, как нахлынет желание работать и как за работой не замечу наступившего утра.

Поначалу так все и было. Благополучно добрался до своего последнего девятого этажа, бросил в прихожей чемодан, прошел в кабинет и... остолбенел.

Моя келья сверкала, как призма. Все тот же оранжевый теплый свет, но теперь он искрился, переливался, вытворял немислимые пируэты.

Привыкнув глазами к этому праздничному сверканию, я понял, что кабинет во всю ширину потолка от верхнего переплета окна до противоположной стены затянут провисшей паутиной, и не мог не подивиться искусству ее создателя. Спрясти подобное был в состоянии только кудесник.

Присмотревшись, я увидел его. Он не таился, сидел неподвижно в ближнем углу под потолком и смотрел на меня выпученными от отчаяния глазами.

О, как мне оно было понятно! Он трудился больше месяца, не зная о том, что я, уезжая, плотно закрыл все окна, он плел паутину, не имея никаких шансов в неё кого-нибудь заманить. Ждал посещения первой гостьи, а она все не прилетала. Это его удивляло, но он прят дальше. А она не прилетала. Тогда он подумал, что

недостаточно потрудился над внешним обликом своего создания и стал плести еще затейливей.

Я приоткрыл окно, стараясь не повредить его детища. В то же мгновение в комнату влетело несколько больших шумных мух. Пораженные увиденным, они долго кружились под потолком, проносясь мимо паука, но так и не смогли устоять перед искушением покачаться в чудесном гамаке...

Через некоторое время все они уже барахтались в нем, посверкиванием крылышек усиливая яркость его блистания. Гамак легко колыхался от струящегося в окно вечернего воздуха.

Я вышел из комнаты и закрыл за собой дверь, оставив творца с поклонницами наедине.

На следующее утро, войдя в кабинет, я, к удивлению своему, застал ту же картину. Только мухи уже не барахтались в потухшей серой паутине. Они почти не шевелились, оставив попытки освободиться, вероятно, смирились с судьбой. Паук сидел в том же месте с теми же полными отчаяния выпученными глазами. Недоброе предчувствие посетило меня...

Солнце уже вставало. Окна смотрели на запад, и поэтому в комнате было еще сумрачно и прохладно. Я встал на стул, протянул к пауку руку и слегка тронул его. Он сорвался со стены и стал медленно падать вниз, но, подхваченный движением воздуха, пропарил через всю комнату по диагонали и попал в собственную сеть. Он лежал посередине своего творения, не выказывая никаких признаков жизни. Поначалу у мух этот его „полет“ вызвал оживление. Но затем они вновь затихли.

Я открыл окно настежь. Осторожно сняв паутину за соединяющие ее с потолком и книжными полками нити, я отдал ее ветру вместе со всеми ее пленниками, словно запустил воздушного змея. Ветер подхватил его, поднял над крышей и понес навстречу рассвету.

1971

2016 г.

III. Малая проза

ПОСЛЕДНИЙ АВТОБУС

Провожал свою девушку. Последний автобус ушел из-под носа. Денег на такси не осталось. Пришлось идти пешком. А это часа три, не меньше.

Теплая ночь. Полнолуние. Шел по окраинам мимо слободских домов, слышал беспокойный сон скота, и как кто-то, вздыхая, нервно взбивал подушки и в который раз проверял будильник.

Все реже лаяли собаки, становилось все тише. Тот самый час, когда на короткое время наступает полное безмолвие...

На востоке небо еще не подернулось бледным льющемся откуда-то из-под земли светом. Но в предрассветном воздухе уже росло тревожное напряжение.

Стало вдруг невыносимо тоскливо и одиноко, и я свернул в автобусный парк, оказавшийся по дороге. В ночном буфете давали кофе с молоком. Толстая кондукторша считала выручку.

«Вот так-то девушек провожать. А чё у нее не остался?»

Я не стал долго объяснять. Сказал: «Она с родителями живет».

«А, все дело, значит, в квартире. А я вот свободная, у меня своя однокомнатная, но меня никто не провожает. Только пьяные пристают».

Взор ее уныло смотрел в темноту окна.

«Ой бя!», – вдруг воскликнула она, – «опять сбилась...».

Послунявила пальцы и начала считать по новой.

1965 (2000)

ПОДМОСКОВНОЕ УТРО

Семь утра. Но бабы уже ковыряются в огородах, окапывают картошку, мужики помышляют опохмелиться.

Солнце встает, сушит лужи на дороге.

Катя ждет автобуса на Москву. Ей повезло, нашла работу в банке.

Уже несколько месяцев она – звезда поселка.

Сегодня ее пришел провожать друг Петька, местный милиционер. «Катька», – говорит он ей, – «а чё, ты так и будешь на зарплате? Сопри в банке милльон, и мы с тобой в Сочи рванем».

«А почто ты мне тогда нужен будешь, миллионерше-то?»

«Ну ты даешь, я же милиционер, прикрою тебя, да и потом, так как я, твои городские любиться не умеют. Вспомни, как мы кувыркались в сарае, пока ты не заважничала...» И он обнимает ее за талию.

Подходит автобус, Катька вырывается, вскакивает на подножку, усаживается у окна и показывает Петьке язык. С нее слетает важничество, видимо, воспоминание о любви в сарае берет верх, и она смотрит на Петьку с нежностью.

Автобус уезжает. Петька оглядывается, поправляет фуражку и приступает к своим обязанностям.

1999

ТЕЛЕФОНИСТКА

Северо-уральский поселок Вая. Телефонный узел. У пульта девушка Надя. Часами никаких звонков.

Надя много читает. Выросла в поселке в семье лесорубов. Девчонок почти не было. Все время с мальчишками. Ей уже шестнадцать, но выглядит как подросток.

Со мной вдруг разоткровенничалась. Никто с ней раньше так подолгу не разговаривал, особенно приезжие.

Ей хочется повзрослеть, пополнить, стать женственной.

Читает Семена Бабаевского. В местной библиотеке книг мало, все больше про войну или про шпионов. А ей нравится про любовь.

Про Бабаевского говорит: «Все у него хорошо, все довольны. И столько всего обещает. Но не бывает так, чтобы люди только план перевыполняли да песни пели. И чтоб все друг на дружку похожи были. И все такие счастливые. У нас-то вон здесь жизнь другая... И люди разные, и страшные, и добрые, и погладить могут, и поколотить. А то и убить за здорово живешь».

«Надя, а ты эту здешнюю жизнь возьми, да и опиши».

«Так кто ж меня назначит... Скажите тоже!»

«А писателя никто не назначает. Он сам себе голова».

Вернувшись в Москву, я послал ей несколько с моей точки зрения хороших книг. Она коротко поблагодарила. Написала, что длинно писать хорошо не умеет, а плохо писать ей совестно.

Через несколько лет я вновь непредвиденно оказался в том поселке. Надю не застал, она жила теперь в Перми.

Мать Нади встретила меня недружелюбно.

«Голову Вы ей замутили своими книжками. Мы хотели ее в лесной техникум в Красной Вишере отдать, а она ни в какую, экстерном на аттестат зрелости сдала и в Пермь подалась, в пед-институт поступила, затем в университет перевелась. Живет там в общежитии. Приезжает редко. Летом во время каникул я ее спросила, кем она будет, когда закончит. Училкой?»

А она в ответ:

«Писателем буду».

«Кем?!... Да кто ж тебя, чолдонку, назначит!»

Тут она и выдала: «А я сама себя уже и назначила...»

Беда-то какая!

1969 (2000)

КРИЗИС

Наша учительница истории Октябрина Марленовна* Коппель имела прозвище «кризис», и не только потому, что день-деньской пеклась о кризисе капитализма, но и потому, что была непредставимо худа, и напоминала свою школьную деревянную указку, с которой не расставалась даже в сортире.

Ровесницей Октября она не была. В 1917-м она звалась Катериной и была уже взрослой девицей, как вдруг решительно сменила имя, отчество и фамилию, чтобы раз навсегда порвать с мелкобуржуазным прошлым, – вне сомнения не без влияния заезжего коммуниста-иностранца, то ли венгра, то ли чеха, инженера-строителя, возившего ее с собой как гражданскую жену повсюду, где он трудился на ударных стройках, пока не сорвался однажды со строительных лесов и не убился насмерть, не позаботившись о печати в паспорте Октябрины.

Возвратиться в родной Бердянск она не захотела, надо было бы всем объяснять причину смены имени и фамилии, да и не безопасно это было в годы интенсивного выявления социального происхождения. Родители ее владели бакалейной лавкой, их застрелил в 1918 году (по рассказу родственника) какой-то бандит-грабитель, – при каких обстоятельствах, Октябрина выяснять не стала.

Как она оказалась в нашем городишке, никто не знал, коллегам говорила, что поселилась у нас, чтобы во глубине России хранить верность своему незабвенному Коппелю.

Как-то на одном из уроков она так разъярилась на капиталистов, что с ней случился удар. Мы приходили в больницу ее проведать. «У нее кризис», – сказал нам врач.

Но если в случае с кризисом капитализма, и она, и мы страстно хотели его смерти, то от кризиса болезни Октябрины Марленовны мы ждали исключительно ее выздоровления. Что и произошло.

* Марлен – Маркс и Ленин

В последующие дни на уроках меня подмывало ее спросить, может ли капитализм после кризиса восстать к жизни так же чудесно, как она сама, – но не решился, побоялся, как бы с ней не случилось второго удара.

1975

12 АПРЕЛЯ 1961 ГОДА

В тот безоговорочно солнечный день занятия в музыкальной школе начинались во вторую смену. По случаю полета Гагарина их не отменили, но о полноценной учебе не могло быть и речи. Великое событие вытеснило все остальное.

Вторым уроком была «Музыкальная литература». Ее вела молодая учительница из Москвы. Она приезжала на занятия на электричке, тратя на дорогу туда и обратно больше пяти часов. Ходили слухи, что она влюблена в нашего директора.

Я старался не пропускать ее восторженных рассказов о музыкальных эпохах и композиторах. Высокая, узколицая, она носила длинные платья, темно-серые и черные, с глухим воротником-стойкой, плотно облегавшие ее фигуру и выглядевшие старомодно, но эта ее манера одеваться, как ни странно, никого не смущала, принималась как черта ее индивидуальности. Выпадавшие из прически русые локоны на бледных, слегка впалых висках и нитка бисерных бус дополняли образ.

Мне тогда казалось, что во внешности учительницы соединились вместе все русские литературные женские типажи: пушкинские героини, тургеневские девушки, таинственные незнакомки эпохи модерна. Этому впечатлению способствовали какая-то природная естественность в обращении с нами, учениками, и при этом приподнятая интонация речи, энергичная плавность движений и походки. Даже то, как она, не успев пообедать, жевала при нас купленный на вокзале пирожок, каждый раз извиняясь, то, как сдержанно и неторопливо двигались при этом ее закрытые губы, казалось мне воплощением самого изящества и отражением загадочности ее натуры.

Весной и осенью к платьям с укороченными рукавами она носила узкие перчатки до локтей. Летом – нитяные ажурные, в более холодное время – лайковые или шерстяные. Вероятно, они достались ей в наследство от матери или бабушек. Уверен, что ношение их не было вызвано лишь физической необходи-

мостью, скорее стремлением к завершенности формы.

Обычно она опаздывала. Запыхавшись, входила в класс, сразу вызывала к доске какого-нибудь ученика, и пока тот отвечал, медленно снимала перчатки. Процесс этот занимал довольно продолжительное время. Мы заворожено следили, как, подергивая кончики пальцев перчаток, она постепенно стягивала их, как вначале оголялись локоть, потом запястье и, наконец, узкая рука с завидно длинными пальцами.

В тот апрельский день она пришла сияющая, покрасневшая от быстрой ходьбы, вошла в класс прямо в пальто и, сняв его, небрежно бросила на спинку стула. Она впервые снимала перчатки торопливо, резкими движениями. Перчатки не поддавались, сопротивлялись, но в конце концов подчинились. Сняв вторую печатку и бросив ее на стол, с горящим взором она воскликнула:

«Как мы америкашкам-то нос утерли, а!»

Села за пианино и сыграла туш.

2000

ТЕТЯ НЮРА

Живет одна, муж давно умер, сыновья не вернулись с войны. Пенсия у тети Нюры маленькая, изба кривая, в комнатах неприбрано. Дух в избе нехороший. Сама ходит неопрятная, беззубая. Я ей говорю: – «Теть Нюр, чего так у тебя? Дышать нечем. Как ты тут спишь!» – «Нельзя мне форточку открыть. Я вон покуда в Муроме на Пасхе у сестры была, ласточка гнездо свила. Как отворю, так сразу гнездо рассыплется. Вот птенчики подрастут, улетят, тогда всё окно распахну. А воздух-то чё! Я привычная...»

1966

ВОТ ТОГДА...

Москва, жара, тараканы. Москвичи с фатальной убежденностью говорят, что привычка свыше им дана. Смахивая с себя щелчком тараканов, они умудряются при этом декламировать стихи, рассуждать о Пастернаке, почему-то именно о Пастернаке. Западные слависты балдеют: русская душа еще не обуржуазилась, не очерствела, коль скоро способна существовать рядом с вечно капающим краном, с гниющими помойками и т. д. «Вот когда кран не будет капать, – пугают меня они, – вот тогда ты поймешь...» Что тогда? Что пойму? Мой гость, голландский славист, укатил домой в Амстердам, прихватив моего Пастернака.

1990

НА ОХОТЕ

Киношники взяли меня с собой на съемки охоты. Пролетев на вертолете километров триста на восток от Ханты-Мансийска, мы расположились на берегу маленькой речки, установили зимние палатки. Зима была малоснежной, но морозной. Ветры сдували снег с поверхности льда. Мы шагали по нему без опасенья провалиться – русло промерзло до самого дна.

Был полдень. На небе ни облачка. Вдруг во льду на глубине примерно одного метра – человек. Мужчина в зимней одежде. В меховой шапке, лицом в небо. Глаза закрыты, словно спит. По внешности хант. Позвонили по радию в местную милицию. Участковый милиционер нашему сообщению, казалось, совсем не был удивлен. Лишь спросил, глубоко ли лежит. Однако узнав, что мы съемочная группа, да еще из Москвы, обещал вскоре быть. Не дай бог, наплетут бог весь что.

Приехал на вездеходе, безучастно взглянул на мужика в «ледяном гробу», с минуту размышлял, потом куда-то звонил и, наконец, сказал: «Пусть полежит до весны. Объявлять о находке не будем. А вас просим не трезвонить и труп на камеру не снимать. Мы его позднее заберем, разберемся. Где сейчас родственников искать! В списке пропавших его нет. Тут поселки редки, кого на опознание звать? Ханты к нам не обращаются, если кто с охоты не пришел или вообще пропал. Тайга у них как Бог. Сама все решает. Замерз, медведь забрал, вьюга замела. Коль найдется, хоронят. Но пропавших не ищут. Да и где я теперь людей найду, чтобы его поднять, пусть полежит, сам отгадет...»

Переписал наши данные и отчалил.

1975

ИЗ ПУТЕВОДИТЕЛЯ

Философ Иммануил Кант родился, умер и похоронен в городе Калининграде. Дом, принадлежавший ему, не сохранился. Когда в 1945 году Красная армия освободила город, на могиле Канта появилось граффити кисти Неизвестного солдата:

*Теперь ты понял, старый хрен,
что мир материален?*

Насчёт «старого хрена» у историков имеются разночтения. Говорят, позднее столь фамильярное обращение к философу закрасили, но остальной текст так и остался нетронутым до конца шестидесятых, о чём есть множество фотографических свидетельств. Видимо, посчитали, что подобный тезис вполне укладывался в тогдашний марксистско-ленинский дискурс.

По достоверным источникам могила Канта пуста. Сие не ведомо многочисленным паломникам. Гиды этого им не сообщают. Где останки философа – одному Богу известно.

В 16 километрах от Калининграда есть посёлок Веселовка, бывший Юдшен, там стоит разрушенный дом без крыши, в котором философ жил с 1747 по 1751 год, служа домашним учителем в семье сельского пастора.

Как внутри здания, так и на внешних стенах периодически появляются надписи. До сих пор самая глубокомысленная: «Кант – лох». Рядом нарисованы сердце и цветок. В доме иногда собираются компании, стоят под зонтами, выпивают, спорят на философские темы.

Октябрь, 2016

ЗАДЕРЖКА РЕЙСА

В сентябре 1970 года Леонид Брежнев посетил Таджикистан. Событие экстраординарное. Генеральный секретарь не баловал республику своими визитами.

В день его прибытия я тоже был в Душанбе, на аэродроме, ждал рейса в Самарканд. В связи с непредвиденной задержкой самолета с генсеком мой вылет откладывался, и я коротал время в помещении «Интуриста» на верхнем этаже авиавокзала, выходящего окнами на лётное поле, откуда, как на ладони, было видно всё на нём происходящее. Здесь меня приютила до отлёта институтская однокашница – теперь сотрудница душанбинского аэропорта.

На площадке перед внутренним фасадом аэровокзала, отгороженной от летного поля металлическим барьером, установили временную трибуну, постепенно наполнявшуюся людьми в праздничных одеждах и с букетами цветов. По лётному полю и вокруг трибуны лениво расхаживали работники спецслужб, все, несмотря на тридцатиградусную жару, в чёрных костюмах и галстуках.

А Брежнев всё не прилетал. От скуки работники «Интуриста» и их клиенты играли в шахматы, в нарды, смотрели телевизор.

День был жарким, но ветреным, постепенно он разгорался и уже перевалил за полдень, как вдруг всё пришло в суетливое движение. Черных костюмов стало еще больше. Встречающая толпа начала оправлять на себе одежду.

Из здания аэропорта медленно вывалилась группа членов местного Политбюро, за ними огромная свита чиновников более низкого ранга, грузных, низкорослых, переваливающих при ходьбе с боку на бок.

Главным пунктом в программе визита было строительство Нурекской ГЭС, невиданного для тех горных краёв сооруже-

ния. Многочисленность свиты должна была, видимо, подчеркнуть важность исторического момента.

Самолет приземлился и подъехал на почтительное расстояние к зданию аэровокзала. Выкатили ковровую дорожку. Протянули до самого трапа. Большинство свиты осталось стоять рядом с трибуной гостей, и только часть её, видимо, партийная и правительственная «верхушка», направилась к месту остановки самолёта.

Генсек вышел на верхнюю площадку трапа в неожиданно светлом костюме, на несколько мгновений задержался, помахал шляпой направо и налево в пространство и начал медленно и торжественно спускаться вниз.

После продолжительной церемонии лобызания все вместе с Генсеком во главе двинулись в сторону трибуны к пришедшим поприветствовать его «простым душанбинцам».

От трибуны до шагающих по ковровой дорожке членов Политбюро оставалось не более тридцати метров, как вдруг от первого её ряда отделился небольшого роста человек с матерчатым саквояжем в руке, перемахнул через металлический барьер и бегом ринулся навстречу высокому гостю...

Ловко увиливая от охранников, он уже почти достиг ковровой дорожки, но тут одному из них удалось-таки подставить бегущему подножку, и тот, не выпуская из руки саквояжа и пролетев кувырком несколько метров над землей, приземлился прямо к ногам Генсека. Замок саквояжа от удара раскрылся, и из него выплеснулась часть содержимого: надписанные конверты и бандероли. Упавший попытался встать, но был повален на землю, он что-то кричал и простирал руки в сторону вождя, имевшего славу отзывчивого человека.

Леонид Ильич лишь мельком взглянул на поваленного, и, ни на мгновение не останавливаясь, продолжал свой путь к ликующей толпе. Некоторые письма он перешагивал, на некоторые наступал. Ветер разносил их в разные стороны по лётному полю. Чёрные костюмы смешно бегали за ними, пытаясь поймать.

Заиграл оркестр. Я не видел дальнейшего общения Генсека с народом и как он знакомился с остальной правительственной свитой. Как и все в интуристском зале, я смотрел, как расправлялись со смельчаком.

Он оказался довольно неуломным, несколько раз вырывался, пока его не скрутили, не прижали к земле, а два-три искусных удара ногами не сделали неподвижным.

Охранники не стали дожидаться прибытия милицейских машин и оперативников, поволокли тело за ноги, лицом к асфальту, к стоявшему поодаль аэродромному пикапу, закинули, как тушу, в кузов и уехали прочь.

Объявили посадку на задержанный рейс.

1980

НЕ ПРОСТО ОЗАБОЧЕННОСТЬ

Гощу у родителей друга, виноделов на Мозеле. Швабы-колони-сты, возвратившиеся в Германию из Крыма еще в двадцатые годы.

Нет ничего прекрасней крестьянской трапезы, когда натру-женные руки ломают хлеб и домашнее вино наполняет про-стые стаканы. Слов мало, но каждое весит много.

Сосредоточенные взгляды, особенно у женщин. Жизнь этих людей зависит от многих вещей, от которых освобождены мы, горожане. От погоды, от движения планет, от степени разумно-сти цивилизаторских нововведений. Их мир теснят, он подвер-жен исчезновению.

Конечно, это не просто озабоченность. То более сильное чувство, оно на грани вселенского страха, что будешь есть чу-жой хлеб, потеряешь свободу, станешь наемником анонима, а вино будешь пить из огромного глобального бака.

Дело не в том, что крестьяне якобы более нравственны, но для них исчезновение связи с землей равноценно потере изна-чального смысла существования. За их столом ты с ними всегда заодно, словно вдруг проникаешь в само ядро жизни. Созерца-ние ядра завораживает не меньше созерцания мироздания.

2001

В БОЛЬНИЧНОЙ ПАЛАТЕ

На соседней со мной койке неизлечимо больной. Он знает, что дни его сочтены. Жена сидит у изголовья, рассказывает: была на даче, там все в порядке, начала варенье варить. Он напоминает, чтобы не клала сахара больше, чем нужно. Да и вообще, не надо так часто к нему приезжать: «Езди лучше на дачу, яблокиними, а то соседи оборвут...»

1975

ПО-ДЕЛОВОМУ

В детстве я часто беседовал с ткачихами из фабричного общежития, находившегося по соседству с нашим домом. Мне, отроку, они поверяли свои тайны. К любви относились по-деловому:

«Витька теперь с Зинкой ходит. Я его выгнала. Вчера приходил, требовал назад подарки. Я ему оставшиеся полфлакона „Красной Москвы“ в окошко швырнула».

1972

ЧЕРЕЗ ГОД

Небольшой отель на берегу озера у подножья лесистого холма.

Остатки старой мельницы. Конюшня. Старинная мебель, дорогие сервизы, серебряные приборы. Хозяева, – молодая, еще бездетная пара, приветливы и словоохотливы.

Друг к другу на людях нежны и предупредительны. Такие доживают до бриллиантовой свадьбы.

Через год потянуло сюда опять. Первое, что узнаю: у отеля новый владелец. Теперешний хозяин на мои расспросы отвечает, что прошлых владельцев лично не знает, отель приобрел через маклера со всем гостиничным инвентарем, говорят, что то ли он ее, то ли она его застали с другим или другой.

С террасы все также слышно журчанье ручья. Тот же тапер за роялем. На столике у буфета свежий номер местной газеты.

Верхняя Бавария , 1990

А ЭТО НИЧАВО

Всю мою молодую жизнь посторонние, видя, что я что-то там сочиняю, говорили мне: «дурью маешься», «делать тебе нечего» или что-то в этом роде.

Так крестьянин, и вообще человек физического труда, смотрит, например, на занятия спортом. Когда я начал учиться музыке, наш сосед, слесарь ЖЭКа, неожиданно одобрил:

«А это ничаво, на свадьбах подрабатывать будешь».

2010

АВОСЬ ПРИГОДИТСЯ

Приднепровье. Все, что осталось от немецкого села: красного цвета черепица с крыши одного из домов, сложенная штабелями. Новые хозяева не знали ей применения.

Так она пролежала 50 лет. На фоне общего запустения такое радение! «Авось пригодится», – ответил мне председатель.

Началась перестройка. Вскоре я узнал, что он загнал черепицу сыну бывшего хозяина дома, живущему ныне в Германии, посетившему однажды родное село и загоревшемуся желаньем покрыть ею в Баварии свой новый дом.

1992

«ПОЗНАНЬ – ГДАНЬСК»

Дамочка в купе поезда беседует по телефону, делая всех окружающих свидетелями ее повседневности, но ощущение такое, что не будь нас, она не стала бы так хохотать и так громко говорить, ей нужна публика. И вот мы на время становимся ее жертвами.

Все молчат, не возмущаются.

Я один вне себя, один не знаю по-польски.

2013

РУКИ НЕ ДОШЛИ

В библиотеке Академии Наук в Ленинграде заказал нужную мне голландскую книгу. Последний раз ей 130 лет назад заинтересовался дипломат граф Горчаков. Те же старинные темные ящики картотеки, та же желтая карточка.

В читальном зале я был в то утро единственным посетителем. Служительница полушепотом сообщила, что «некоторые книги на латинском и нидерландском, которые царь Пётр лично в Голландии закупил, до сих пор в хранилище на полках «неразрезанными» стоят. У наших голландистов всё руки не доходят...»

1977

ИЗ «БЕСЕД С А. В. ЩЕКИН-КРОТОВОЙ»

*

Известен портрет Ксении Некрасовой Роберта Фалька. Вдова художника Ангелина Васильевна Щекин-Кротова вспоминала о ней, часто гостившей в их доме. Показывала мне сохранившиеся у неё рукописи – пожелтевшие листки, исписанные крупным полудетским почерком с массой орфографических ошибок.

Некрасова не любила слушать чужие стихи. Когда однажды Щекин-Кротова прочла ей что-то свое, та сказала: «Геля, не засоряй ты мой ручеек своими палыми листьями».

*

А.В.Щекин-Кротова о своих годах с Робертом Фальком: «Часто Фальк в отношении к своим близким, в том числе и ко мне, не связывал себя так называемыми «буржуазными» обязательствами. На упреки в аморальности своих поступков он отвечал: «До сих пор так и не знаю, что называть грехом в жизни, но вот что такое грех в живописи, я знаю точно».

*

В разговорах с Ангелиной Васильевной часто возникало имя Михаила Яныча. В самом начале 1960-х годов мало кому до этого известный коллекционер русского авангарда Михаил Янович Макаренко-Гершкович, родившийся где-то в довоенной Румынии, создает при поддержке крупных советских ученых в новосибирском Академгородке картинную галерею и

устраивает в ней одну за другой выставки Фалька, Филонова, Эль-Лисицкого, Эрнста Неизвестного, Гриневича, Шемякина, Грицюка, – русских художников, бывших в забвении или под запретом. Ходят слухи, что он договаривается о персональных выставках с самими Марком Шагалом и Пабло Пикассо. Ведет с ними личную переписку.

Видимо, он все же где-то перешел красную черту, нарушил договоренность с властями не выходить за сферу музейных активностей, например, вручил при всем честном народе Александру Галичу после его концерта в Академгородке почетную грамоту Академии наук и специальный приз – копию пера Пушкина. После того концерта песни Галича твердо вошли в список «безусловно изымаемых и включаемых в опись на обыске антисоветских материалов» и распространялись в магнитофонных кассетах по всей стране.

На стене в кабинете Макаренко висело письмо от Пикассо, в котором мэтр сообщал: «Очень хочется приехать в Академгородок и в пику Москве устроить свою выставку у Вас».

Академгородок всерьез готовился принять также и Марка Шагала. Макаренко писал Шагалу письма, обсуждал детали. Дело было лишь за санкцией московского начальства. Но из Министерства Культуры ответ пришел отрицательный.

Макаренко летит в столицу, в ЦК, но дальше приемной его не пускают, письмо он отдает вышедшему к нему человеку. Макаренко пытается с ним говорить, тот выслушивает, но не отвечает ни слова. Михаил Янович подавлен.

Шестидесятые на исходе. Деятельность коллекционера явно раздражала власть, долго не знавшую, какое „дело“ ему «пришить». Уж больно крупные ученые Академгородка поддерживают его! В конце концов пришли всю ту же «антисоветскую агитацию и пропаганду». После восьми лет лагерей Гершковичу разрешили перебраться в США, где он погиб в какой-то нелепой драке с бомжами. Говорят, после него остались интересные мемуары.

Макаренские годы картинной галереи Дома Ученых в Новосибирске в истории русской культуры не забудутся. Наиболее заметной из всех выставок была ретроспектива Роберта Фалька в 1965 году, она определила лицо галереи. Фальк был под запретом, на протяжении десятилетий практически не выставлялся.

Деятельность директора галереи в советских условиях предполагала большую долю жульничества а la Остап Бендер. Недаром Макаренко в его среде уважительно называли „рыбой“. На лагерном жаргоне «рыба» это человек, которому море по колено. Во время выставки Фалька он мог, например, провести экскурсию обкомовцев и спокойно соврать, что некоторые картины написаны Фальком еще до революции, поэтому в них, несмотря на всю их гениальность, есть черты буржуазные.

Он постоянно то снимал, то снова вешал «Обнаженную», о которой Хрущев за два года до этого сказал, что она написана хвостом ишака. Щекин-Кротова спросила однажды Михаила Яныча, зачем он это делает.

«Когда я знаю, что идут начальники, я ее снимаю на время».

«Откуда Вы знаете, что идут начальники».

«У нас в зале все меняют обувь, переодевают. Начальники никогда не переодевают. Когда я вижу следы, значит пришли».

1969–1985

ДАНАЯ

Аргосскому Царю Акрисию оракул открыл, что он умрет от руки сына его дочери Данаи, проще говоря, от руки еще не рожденного внука. Царь заключил дочь в подземный медный дом, приставил к ней охрану и служанку. Зевс, пленившись красотой узницы, проник к ней в образе золотого дождя и одарил сыном Персеем. Таково начало известного мифа.

Его сюжет вдохновлял многих художников. Есть своя «Даная» у Корреджо, Тициана, Тинторетто, Пуссена. Но «Даная» Рембрандта превосходит всех. Женщина, изображенная на его картине, не самая совершенная, но самая душевная. В ней отразились собирательные черты его любимых женщин. Рембрандт писал картину не на заказ, а для собственного дома. Не раз ее переписывал, совмещая в одном женском образе черты женщин, в которых был влюблен на протяжении жизни. Рентгеновские снимки наших дней подтвердили это. В доме картина висела вплоть до распродажи имущества художника.

Позднее след картины на десятилетия потерялся. В XVIII веке ее обнаружили у Пьера Кроза, знаменитого французского коллекционера. Екатерина Великая в 1772 году по совету Дидро купила картину.

Бывая в Эрмитаже, я обязательно посещал на втором этаже голландский отдел с «Данаей» и каждый раз потом долго высвобождался из ее эротического притяженья...

В тот день 15 июня 1985 года я тоже был в Эрмитаже, то есть в те же минуты, когда никому неизвестный литовец по имени Бронюс Майгис, пришедший в музей с экскурсией, подошёл к рембрандтовской «Даная» и, достав из-под полы пиджака склянку с серной кислотой, выплеснул её в центр холста. Выкрикнув при этом: «Свободу Литве!», он два раза полоснул лезвием по бедрам и животу Данаи. Кислота начала пузыриться, менять цвет, распространяться по всей картине. Лишь обильное количество воды помогло уменьшить ее разрушительное действие...

Всего этого я не видел, хотя в момент произошедшего и находился в одном из соседних залов. Заметил вначале лишь необычную для галереи суету. Проход в рембрандтовский зал тут же перекрыли, началась эвакуация посетителей из музея. Люди стали скапливаться на лестницах, у гардероба, у выхода из музея. Поползли слухи, что картина полностью уничтожена.

Поздно вечером того же дня мне необходимо было связаться по телефону с моим старшим коллегой Соломоном Аптом, известным переводчиком античной и немецкой литературы. Нас связывала работа над одним совместным литературным проектом, бывшим причиной моей поездки в Ленинград. Поведав ему, что был в физической близости от преступления – «совсем рядом» – я только и смог произнести: «Соломон Константинович, как это ужасно!..»

Помолчав, Апт ответил: «Вальдемар, дорогой мой, не убивайтесь, уверяю Вас, советские реставраторы сделают все, чтобы вернуть «Данаю» народу».

1990

АРМЯНСКИЙ СОСЕД

В начале 70-х в Сибири мне пришлось делить гостиничный номер с одним армянским музыкантом. В те годы в советских отелях одиночных номеров практически не было, в двухместный к тебе могли подселить кого угодно.

Было полночь, и я уже засыпал, когда в дверь постучала дежурная и, впустив в номер незнакомого мне мужчину с чемоданом и виолончельным футляром, ворчливо сообщила: «Белье шчас принесу».

Сон улетучился, я встал и зажег лампу на ночном столике. Незнакомцу представился своим полным именем Вальдемар.

«Армен», – назвался тот, – «латыш?»

«Немец», – ответил я.

В среде музыкантов редко встречаешь германофобов. Немецкая музыка для них все равно что материнское молоко. Армен был счастлив познакомиться с человеком с родины Баха. Мне пришлось его разочаровать. О советских немцах, однако, он никогда не слышал, хотя мы оба и прожили почти полжизни в одной стране.

«А вы где живете?»

«Да везде, от Камчатки до Бреста».

«То есть, как мы, армяне».

На это сравнение я никак не прореагировал, хотя и не посчитал его удачным: слишком сложная тема для столь позднего часа.

«А сколько вас?» – спросил Армен.

«Два миллиона».

«Два миллиона?!»

От удивления Армен опустился на край кровати. Стульев в нашем номере не было. Посидев так некоторое время, он спросил с вдруг сильно проявившимся акцентом:

«А почему вас не видно?»

1975

МЕТОДЫ ВОСПИТАНИЯ

Ужин в Минске у Поплавских: Георгия, Наталии и их дочери Кати. Все трое художники. В начале семидесятых я дружил с ними, знакомил с искусствоведами из Германии, подопечными мне по работе в Союзе художников. Георгий и Наталия выставлялись в Восточном Берлине, в Лейпциге, у Кати в ГДР завелась подруга.

И вот мы снова вместе за кухонным столом. Меня угощают белорусскими драниками. У Кати несколько месяцев назад родилась дочка Аня, она лежит в манеже в соседней комнате, не хочет спать, долго плачет. Катя то и дело выбегает в соседнюю комнату, берет ее на руки и та успокаивается.

Катя с гордостью показывает мне дочку. Обращаю внимание, что белье и одежда ребенка, а также игрушки – почти всё из Берлина.

Уже имеющий родительский опыт, советую не реагировать всякий раз, когда ребенок капризничает. Ведь крик – сигнал, который малыш посылает, если у него что-то болит или он мокрый, или когда голоден, но раз он успокаивается, когда его берут на руки, значит хочет только внимания, вредничает, не дает маме пообщаться с другими.

«Катя», – говорю я, «в Германии ты «наверняка» наблюдала, что немцы реагируют на капризы младенцев не так, как мы, не дают себя «терроризировать», не бегут на каждый писк».

«Не хочу фашистиков воспитывать», – с улыбкой отвечает мне Катя.

1977

РОДНОЙ ПОДВАЛ

Моя мама родилась и выросла в поволжском Бальцере, ныне Красноармейске. Ее девичья фамилия Кем, по-немецки она произносится не так куцо: Kähm – в растяжку... Можно писать и более благозвучно для русского слуха – Кэм, как сделали некоторые из моих родственников. Но это как-то совсем уж не по-немецки.

Кемам в Бальцере принадлежала часть ткацкого производства. В 1918 году у них все отняли.

В 1995-ом я бродил по Красноармейску с фотоаппаратом, меня арестовали как сепаратиста, и я пять часов просидел в милиции, в КПЗ, точнее, в подвале дома моих деда и прадеда.

Добротный, комфортный и по сегодняшним временам подвал, большой и теплый. Я сказал майору, который меня отпустил: «Ты можешь сколько хочешь задницу рвать, но такого подвала тебе никогда не построить».

Он спросил: «Почему?»

Я ответил: «По кочану».

2010

IV. Очерки

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

В конце 60-х один из моих старших коллег-журналистов, узнав, что я собираюсь на Север Урала в поселок лесорубов под Красновишерском, в котором он побывал до меня, дал мне совет: «Там москвичей не любят. Если к тебе кто-нибудь подойдет и скажет: «Мне твоя морда что-то не нравится», ответь одним словом – *представитель* – сразу подействует».

Поселок находился в лесной глуши. Добираться до него нужно было по речкам на моторках вдоль берегов, заросших кустами дикой голубой жимолости, ягоды которой здесь зовутся коровьими титьками.

Уже не помню точно имени поселка, кажется, Золотанка. Люди в нем жили разнообразные. В том числе и отсидевшие солидные сроки. У этих были водянистые, неподвижные, словно размороженные, глаза.

И так получилось, что уже первый прохожий, повстречавшийся мне по прибытии на дороге от пристани к поселку, наехал на меня в том самом духе, как предупреждал коллега. Однако услышав «представитель», он застыл на месте, долго смотрел мне в глаза, и стал вдруг пятиться назад, подчеркивая каждый шаг одобрительной жестикуляцией. Отойдя на некоторое расстояние, резко развернулся и исчез в темноте переулка.

На следующий день вечером я решил прогуляться в местный клуб. Посмотреть, так сказать, на людей. Когда я вошел в танцевальный зал, все головы повернулись в мою сторону, и, как мне показалось, дружно, то ли прошептали, то ли прошипели: «представитель»...

В дальнейшем, если мне что-то не удавалось, например, попасть на переправу, купить билет на переполненный вертолет, достать в магазине дефицитные продукты, стоило лишь произнести это слово, как все изменялось в лучшую сторону.

Что оно означало, не знаю до сих пор. Слово, которое по законам грамматики не рекомендуется употреблять без дополнения, теряющее в этом случае свое первоначальное значение, вдруг приобретало самостоятельный смысл.

Эта неясность еще больше увеличивала мистику его воздействия.

Тотем. Волшебное слово. Произносил как заклинание «представитель», я словно заявлял о своей принадлежности к секте каких-то неформалов, магически влиявших на местную жизнь.

По мере отдаления от этого района влияние загадочного слова ослабевало или вовсе переставало действовать. В одном находившемся довольно далеко от поселка сельпо я пытался его было применить, но меня не поняли и заставили встать в очередь.

Вернувшись в Москву, я спросил коллегу, что все это значит. «Сам не знаю, просто хотел тебя охранить. Прими произошедшее к сведению, совсем не обязательно все понимать».

И через минувшие со времени той поездки полвека впечатления от нее то и дело всплывают в моей памяти как что-то недосказанное...

Вспоминаются прежде всего тамошние люди. Была в них некая странность... Помню, возвращаясь с корзинкой грибов из леса, разговорился со старым паромщиком. Говорили о том, о сем. Вдруг он заявляет:

«А я тебя не боюсь. Я привитый».

Протянул мне початую бутылку. Я не отказался.

«А ты за революцию или эволюцию?»

Я не знал, что ответить. Хотел сказать «представитель», но промолчал.

Он добавил:

«Ты это самое, не торопись с ответом. Я терпеливый, подожду. Главное, не виляй!»

Посмотрел в мою корзинку с подберезовиками и подосиновиками и сказал:

«Сплошные обабки. А знаешь, почему их так у нас называют? Они, как бабы, скисают быстро».

Увидеться мне с ним больше не пришлось.

2020

ОТЦЫ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Мельников, местный краевед, показывает мне Тобольск. Бывшая столица Кучума. Голые полисадники с рябиной у каждого дома. Особняк, где держали под арестом Николая Второго. Рассеянные по всему городу небольшие и потому сохранившиеся здания церквей, им повезло, их словно не заметили и забыли порушить. В одной – фабрика масла. в другой делают матрацы, в третьей – пивзаводик. В бывшем Екатерининском остроге и сейчас тюрьма.

Мельников ведет меня перво-наперво на кладбище, к могилам Ершова, Кюхельбекера, наизусть читает их стихи. Затем останавливается у могил родителей Менделеева. У надгробья Алябьеву громко напевает. Внимания его пение никого не привлекает, на кладбище мы одни.

Вдруг Мельников заявляет: Тобольск – родина телевидения и, неотрывно смотря в мои удивленные глаза, рассказывает об уроженце Тобольска Борисе Павловиче Грабовском, физике и изобретателе, якобы первым создавшим электронный телевизор со строчной и кадровой развертками. Родился Грабовский в Тобольске. Недавно он, Мельников, выступил с инициативой перенести могилу Грабовского из Фрунзе в Тобольск, а также поставить ему в центре города памятник. Просит меня, москвича, поддержать его начинание.

Я высказываю, однако, сомнение в приоритете изобретения телевидения мало мне известным Грабовским, говорю, что у многих ученых, начиная с конца XIX века были заслуги в исследовании движения и взаимодействия заряженных частиц. К открытиям в современной науке приходят постепенно, так сказать, сообща. Изобретениям предшествуют целые эпохи экспериментов. Ведь недаром телевидение вначале называли дальновидением. Поэтому ни немцев Пауля Нипкова и Карла Брауна, ни шотландца Джона Бэрда, ни наших Розинга, Грабовского и Зворыкина нельзя однозначно назвать отцами телевидения.

«Грабовский и Розинг действовали каждый на своем поле, мало зная друг о друге», – вскричал вдруг Мельников, – «к тому же Розинг оказался настолько порядочным, что узнав об экспериментах Грабовского, поддержал его как своего продолжателя, настоял, чтобы тот запатентовал свой опыт. Патент за номером 5592 был получен Грабовским в 1928 году. Зворыкин же присвоил изобретения того и другого, и смылся в США, а его предшественники сидели в это время в лагере...».

Тут экскурсовод пустился в подробнейший обзор истории телеопытов. Так я узнал, что американский физик и писатель Митчел Уилсон в романе «Брат мой, враг мой» использовал, якобы, дневники Грабовского и описал его «телефот» как предтечу современного телевизора.

Я был потрясен, сколько энергии и эмоций мое безобидное замечание пробудило в тобольском патриоте. Пытаясь хоть немножко понизить градус его возбуждения, я заметил, что где-то читал, что сам Зворыкин вовсе не считал себя изобретателем телевидения, всегда подчеркивал: «Я изобрел лишь кинескоп и ни на что другое не претендую». Хотя и это, последнее утверждение, требует, видимо, научного уточнения: в немецкоязычных странах, например, кинескоп до сих пор называют трубкой Брауна. Можно было бы назвать еще с десятка иностранных имен, способствовавших ее усовершенствованию.

Но Мельников от моих замечаний «заводился» еще больше. Правда, теперь он говорил не так страстно, скорее торопливо, пытаясь убедить не криком, а лихорадочной скороговоркой. Страсть в его зоре сменилась невыразимой тоской. Я вспомнил слова из песни Высоцкого: «... а он в тоске опасный», – и больше не возражал.

КАБАН – ЭТО ВАМ НЕ СВИНЬЯ

В начале семидесятых годов в СССР для любителей индивидуального туризма было сделано фантастическое послабление. Гражданину СССР было разрешено по частному приглашению посещать любую из стран СЭВ и проживать в ней до тридцати дней в году, где душа пожелает. Естественно, при условии, если позволит ОВИР, проверив на лояльность.

Получившему визу обменивали рубли на валюту, в моем случае – на марки ГДР.

Я перемещался по стране с рюкзачком за спиной различными способами, в том числе и на попутках. В ГДР, в отличие от других стран «соцлагеря», брать плату за автостоп было не принято.

На подъезде к одному старинному городку в Тюрингии, бывшему моей целью, мне приглянулась двухэтажная гостиница в стиле охотничьего домика с кабаньей головой на вывеске.

Гостиница располагалась на покато́м склоне высокого холма, фасад смотрел на широкую долину, до горизонта поросшую густой хвоей. На первом этаже размещался гостиничный трактир. В ГДР многие гастрономические заведения были получастными. В некоторых еда удивляла качеством и недорогой ценой.

С народной немецкой кухней я знаком с детства. Но пробежав глазами меню, я понял, что здесь она особого рода. Дичь доминировала: спинка косули с грибами-лисичками; краснокочанные голубцы с мясом оленя; жаркое из молодого вепря с ягодами можжевельника и вареной тыквой; дикая утка с печеными яблоками и сливами...

Воскресный день, послеобеденное время. Я пока единственный посетитель. Под потолком на стенах – чучела сов, орлов, кабаньих и оленьих голов, с рогами и без.

Я ел рубленые котлеты из зайца и, отрывая глаза от тарелки, неминуемо встречался со строгими глазами Вилли Штофа, тогдашнего многолетнего Председателя Совета министров республи-

ки, второго человека в государстве. Его портрет в темной рамке висел на противоположной от меня стене между двух кабаньих голов.

Портреты представителей верховной власти республики можно было встретить в ГДР повсюду: в учреждениях, в сберкассах, в фойе гостиниц. Но в компании со свиньями я их еще не видел.

«А почему Штоф, а не Хонеккер?» – полюбопытствовал я у хозяина трактира, стоявшего за стойкой бара.

«Не, не, у нас здесь всегда второй висит. Традиция. Когда Ульбрихт первым был, Гротеволь лет десять провисел. Теперь вот Штоф. Отец рассказывал, у нас однажды Геринг обедал и когда себя между кабанов увидел, расхохотался: «Хороша компания!» и точь-в-точь, как Вы, спросил: «А почему я, а не Адольф?»»

Видя, что развеселил меня, хозяин рассказал еще несколько гостиничных баек в том же духе.

«Геринг, Гротеволь», – сказал я, возвращаясь к предыдущей теме, – «всё это из мира преданий, но Вилли-то – самый что ни на есть сегодняшний, взаправдашний, каждый день на экране, неужели никто из посетителей неудовольствия не высказывал, начальству не пожаловался, не капнул».

«Да нет, капали, не без этого, но власти не реагировали, значения не придавали, хватало чувства юмора, ведь каждый из местных тут у нас в трактире хоть раз в жизни да побывал. Лишь однажды, после назначения нового бургомистра, вызвали меня к его секретарю и приказали: или кабанов убрать, или портрет перевесить! А куда ж я его перевешу, ведь у нас повсюду чучела висят, куда ни перевесь – всюду двусмысленность: и с филином рядом, и с рогами... Ну и решил я Вилли Штофу письмо написать: так, мол и так, – есть проблема... Оскорбился за Вас наш новый бургомистр, увидев Ваш портрет между двух кабаньих голов. А так бы не хотелось, дорогой геноссе Штоф, традицию нарушать: тут и Бисмарк висел, и разные другие пре-

мьеры, Фридрих Эберт, к примеру... Историческое, можно сказать, место. Геринга я, понятно, опустил. Написал, что пишу как охотник охотнику и надеюсь на солидарность. Ведь, Вы, геноссе Штоф, охотничьим пристрастиям, я слышал, человек далеко не чуждый, в своих угодьях на озере Мюриц, наверняка, не одного кабана завалили, к тому же, говорят, и генноссе Хонеккера к этому делу приобщили, после того как ему Клемент Готвальд именное ружье подарил.

И что же Вы думаете, ответил мне дядя Вилли, собственно-ручно ответил: что он несколько не против, чтобы его портрет в нашем охотничьем трактире меж кабаньих голов находился, если созерцание оногo нашим гостям аппетита не портит. Пожелал мне и нашим егерям удачной охоты и добавил: передайте от меня бургомистру, что кабан – это вам не свинья, а достойный охотника соперник. И подписался: «С социалистическим охотничьим приветом, Вилли Штоф».

Я вот уже несколько месяцев раздумываю, не обрамить ли мне это письмо и не повесить ли его на стену, как это делают в именитых ресторанах, – вот тут, чуть пониже кабаньих голов».

Открылась дверь, и появился офицер в советской форме. Я сразу узнал в нем капитана, с которым столкнулся утром у лесного озера, где он и его ординарец рыбачили со спиннингом и удочками. В трактир он зашел один, оставив ординарца дожидаться в гарнизонном газике.

«Как всегда?» – спросил его хозяин.

«Как всегда».

Хозяин подал на подносе три кружки пива. Первые две капитан опорожнил залпом, третью пил, не торопясь, прихлебывая.

На какое-то время мы с капитаном остались одни в зале и разговорились. Он расхваливал здешние леса, обилие в них дичи, а в речках и водоемах – рыбы.

«Мне говорили», – сказал я, – «что тут у немцев с рыбалкой строго, экзамен надо сдать, рыболовное удостоверение иметь, аусвайс...»

Капитан, до этого добродушно улыбавшийся, нахмурился.

«Мой аусвайс у меня на ляжке болтается», – ответил он и похлопал себя по кобуре. Одним глотком допил пиво, бросил на поднос деньги и, не попрощавшись, пошел на выход.

«Что-то не долго он сегодня у нас задержался», – сказал вернувшийся хозяин, – «обычно мы ему вдвоем с ординарцем в машину залезть помогаем».

1973 – 2016

ЧЕРВОННЫЙ СЕЯТЕЛЬ

В конце 60-х я путешествовал по Уралу в компании коллеги – газетного фоторепортера. Кроме редакционного задания он хотел собрать материал о раскопках могильных курганов и уговорил меня отклониться от намеченного маршрута. Так мы попали в деревню Прыгово Шадринского района Курганской области.

Раскопки курганов меня не очень занимали. В первый день я бродил вдоль речки Исети, опоясывающей Прыгово с юга. Песчаные заливы, луга, поля, обрамленные сосновыми борами и березовыми рощами.

Сама же деревня вид имела унылый. Черные избы, высокие, срубленные из толстенных сосен, резные замысловатые наличники. Но все старое, ветхое – ощущение, что постройкам лет двести. На краю деревни руина церкви, остатки ржавой ограды, поврежденные надгробья, чуть дальше – деревянное здание бывшей поповской усадьбы, запущенный парк.

У каждой детали этого пейзажа была своя история, неведомая мне, но наверняка такая тоскливая, что заниматься ее «раскопками» хотелось еще меньше, чем курганами коллеги. Единственно, что «цепляло», – название района, с самого начала вызывавшее „подозрение“, что оно как-то связано с фамилией скульптора Шадра, прославившего булыжник как оружие пролетариата. Оказалось, что Иван Шадр, настоящая фамилия которого Иван Иванов, был родом из соседнего Шадринска, подарившего ему псевдоним. В колхозной библиотеке я обнаружил целый стенд, посвященный именитому земляку.

Когда Шадр в начале 20-х получил верховный заказ создать для новых советских денег и почтовых марок образы Крестьянина, Рабочего и Красноармейца, он решил начать с землепашца и поехал искать натуру в родные края – почему именно в деревню Прыгово, неизвестно; может быть, потому, что ребенком часто приезжал сюда с отцом, плотником-сезонщиком, и в

его памяти запечатлелись колоритные прыговские «типажи».

Для образа Сеятеля он выбрал в натурщики прыговского крестьянина Куприяна Авдеева. Скульптура была взята за основу оформления лицевой стороны золотого советского червонца и денежных купюр, а также облигаций крестьянских выигранных займов. Образ Сеятеля должен был символично означать замену на деньгах портретов Николая II.

Скульптор приехал во время посевной. Поиск натурщика отвлекал крестьян от работы, и они откровенно высказывали неудовольствие. Шадр ходил по деревне с «бумажкой» от самого Калинина и уговаривал мужиков. Отказывались они не только из-за посевной.

Один сказал: «Окаянный, что меня улещаешь? Я на карточку-то отродясь не снимался, а ты с меня куклу стряпать хочешь, ах ты, гадина этакая!»

Другой спросил: «А вреда мне от этого не будет?» Согласился было, но в конце концов тоже отказался: «Все равно не пойду. Не чеши язык зря, я не маленький, не пойду и шабаш, мое слово – олово».

Когда натурщика в конце концов определили, тот поставил несколько условий: «чтобы был правительственный указ, запрещающий плевать на деньги с его, Авдеева, портретом, как это часто делали коммунисты с царскими, – это первое; второе: чтобы его, Авдеева, а также его семью и потомков на несколько поколений избавили от продналога и прочих натуральных повинностей; и третье: чтобы его младшую дочь как очень способную взяли в Москву и там выучили за казенный счет».

Шадр несколько не стеснялся потом рассказывать, что пообещал натурщику выполнить все его условия.

После этого Авдеев присмирел, терпеливо переносил неподвижное позирование, оказавшееся не менее трудным делом, чем хождение с двухпудовым лукошком по полю, исполнял все, что требовал скульптор. Даже в бане не мылся, чтобы волосы не распрямились и чуб не пропал.

Время от времени Авдеева, правда, одолевали сомнения, как бы ему потом не было худо, когда красных сбросят, о чем ему напоминали насмешливые выкрики из толпы, собиравшейся поглазеть на работу Шадра.

Когда появились новые деньги, на которых был изображен крестьянин, широким жестом раскидывающий семена, жители Прыгово были потрясены, признав в крестьянине на банкноте своего земляка.

Не было теперь в области человека, не знавшего Авдеева, из окрестных сел приезжали, чтобы поглазеть на него. А поглядеть было на что. Скульптор ничего не придумал. Авдеев был похож на былинного Микулу Селяниновича.

Все это я узнал от прыговских библиотекарей, а позднее из разных других источников, но провел и кое-какие собственные расследования. Стал разыскивать по деревне еще помнивших Авдеева, таких нашлось не много, из мужиков с войны вернулись лишь несколько человек. Время начала 20-х сохранилось в их памяти как сравнительно благополучное, большевики тогда, хотя уже и верховодили, но все же не всё еще отбирали, да и храмы еще не рушили. Авдеевская семья была верующей. И грамоту знала, особенно мужская ее часть. Куприяна уважали, но были и такие, кто славе его завидывал: за что это ему такие почести, чем он, мол, лучше нас... Авдеевскую конюшню несколько раз поджигали, один раз чуть всю деревню не спалили.

А потом раскулачивание началось. Не спасла семью Авдеева его известность, раскулачили вдребезги, поэтому в селе никто понять не мог, как это он, пережив такое, согласился стать первым в Прыгове председателем колхоза. Ну, а в 1937-м его самого арестовали, и никто о нем больше в деревне, даже самые близкие, не слыхал. Теперь известно, что он в лагере помер.

Те, кто помнил Авдеева, говорили о нем дружелюбно, особенно, что, будучи председателем, не свирепствовал, как другие, может потому, что свой был, а тех из города присылали. Вспоминали в основном хорошее. А один старый человек, на-

столько старый, что его уже в 41-ом на фронт по возрасту не взяли, вдруг сказал: «Да, справный мужик был, не в пример многим, трудяга, а вишь ума не хватило, врагом народа оказался... возгордился, письма правительству писал, советы давал, как крестьянскую жизнь правильно организовать. Или что-то вроде того... Червонным сеятелем в газетах его величали – ну и помутился у него рассудок, меня ведь тоже в натурщики звали, но я не пошел, чуял, не к добру это – рожу свою на весь мир выставлять...»

1969-2018

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Участники международного симпозиума в Седневе по проблемам современной живописи выехали из Киева ранним утром, чтобы по пути побывать в Козельце и Чернигове. Я участвовал в симпозиуме как переводчик с немецкого. Болгарам и сербам переводчик был не нужен. Финнов сопровождал коллега-эстонец.

Стоял солнечный сентябрь 1969 года, было воскресенье, и в городках, через которые мы проезжали, торговали дарами позднего лета. Многие напомнили сорочинские образы Гоголя, даже повозки и телеги, казалось, не изменились с тех далеких времен.

Улицы запружены толпами народа из соседних селений. Подводы с лошадьми, острый запах солений. Тротуары, засыпанные шелухой от семечек. Их лузгали все без исключения, лихо сплевывая направо-налево и не особо заботясь о том, куда шелуха отлетает. Плисовые куртки стоявших на подводах и продающих свой товар колхозниц чернели на фоне пожелтевшей листвы и ярких воскресных нарядов горожан.

Киевские художники и критики комментировали мелькавшие за окном автобуса виды. В украинском Союзе художников они были заметными фигурами, сливками соцреализма, в душе я уже приготовился к скучным разговорам, переводить которые мне предстояло.

Какое-то время так оно и было, однако стоило нам чуть отъехать от Киева, как с украинцами что-то произошло, речь их резко изменилась. Нет, они не перешли на «мову», но их русский как бы вернулся на столетье назад. Это сказалоь и на содержании разговоров. Попытки гостей вернуть их к темам нашего симпозиума были бесполезны. Они словно забыли о настоящем и на любой вопрос об истории того или иного места начинали наперебой рассказывать очередную легенду. Всё проплывавшее за окном окутала пелена мистического флера.

Началось с Козельца, с истории церкви Рождества Богородицы, построенной царицей Елизаветой Петровной якобы только для того, чтобы здесь тайно обвенчаться со своим фаворитом Алексеем Разумовским, заранее заказав не кому-нибудь, а Растрелли, иконостас чуть ли не в тридцать метров высотой. Здесь же нам открыли, что у Елизаветы и Разумовского был, оказывается, сын, всю жизнь проведший в заточении в одном из монастырей Переяславля-Залесского, наверняка и княжна Тараканова тоже их дочь.

Путь к Чернигову мимо скифских курганов привёл нас к Болдиной горе с прахом Ильи Муромца и к Княжескому детинцу с останками князя Игоря Святославовича, героя «Слова о полку Игореве».

Тут же неподалеку Елецкий Успенский монастырь, и вот мы в подробностях слушаем историю об украинском Дракуле – полковнике-меценате и упыре Василии Касперовиче Дунине-Борковском, после смерти которого в Чернигове стали случаться всякие жуткие истории. Каждую полночь из Елецкого монастыря выезжала карета с воронными конями. Она мчалась в имение Борковского над Десной. А сидел в ней воскресший Борковский. Он обходил усадьбу, бродил по дому, до обморока пугая слуг, а перед рассветом подходил к старому колодцу и исчезал в нем. Когда из родового склепа вытащили его гроб, он лежал в нем, как живой, а во рту дымилась трубка! Ему вонзили в грудь осиновый кол и вновь предали земле.

В тот же день над Черниговом пронеслась страшная гроза, Десна вышла из берегов, затопила и могилу, и усадьбу Борковского. С тех пор грозу ждут каждый год. Закрывают все ставни, даже местные партийные власти запрещают в этот день народные гулянья.

К вечеру в Седневе, находящемся неподалеку от Чернигова, нас, уставших с дороги, повезли первым делом не в Дом творчества художников – месту нашей встречи, а в местную Свято-Воскресенскую церковь, она, мол, уникальная, намоленная,

одна из немногих, не закрывавшихся при советской власти, и славится тем, что в ней изгоняют бесов. Со всей Украины приезжают. И высшее начальство тоже. А еще церковь известна тем, что в ней случилась история, схожая с «нетленным Борковским»: в 1924 году в подземном склепе церкви обнаружили сорок четыре мертвых тела бывших господ Лизогубов. На них были парадные мундиры и украшения, и покоились они в гробах так, словно были похоронены не сто лет назад, а только что.

На следующий день начался симпозиум и сразу вернул нас в социалистическую реальность. Вечерами мы отдавались во власть украинского гостеприимства. Погода стояла теплая, и ужин устраивали у костра на высоком берегу реки Снов. За рекой открывались бескрайние дали: заводы, луга, поля с защитными полосами рощиц, волны лесистых холмов.

Жарили шашлыки. Пили горилку. Завороженно смотрели на уходящее солнце, на дальние огни растянувшихся вдоль берегов деревень.

Вдруг один из немецких участников симпозиума сказал: «Какая тишина! Странно, что собаки даже ночью не лают!?! За два прошедших дня я их ни разу не слышал».

Один из киевских художников, еще довольно молодой, пояснил: «Когда немцы во время войны пришли в село, они первым делом перестреляли всех собак. С той поры собаки здесь не лают».

Русские и украинские участники застолья понимающе закивали, за ними с серьезными лицами также болгары и сербы.

Спрашивающий немец не выразил никаких эмоций. Он долго и неподвижно глядел молодому художнику в глаза, словно хотел навсегда запомнить их выражение, потом медленно перевел свой взгляд на своих коллег-немцев, те также медленно на меня, я на финна, финн – на эстонца. Какое-то время наши взгляды так и двигались по кругу, не зная как из него выйти.

Русские, украинцы, болгары и сербы продолжали кивать головами...

Наступила вселенская тишина. Своего рода минута молчания в память безвинно погибших тварей.

И тут где-то вдали залаяла собака. Ее подхватила другая, третья. Вскоре вся округа заливалась собачьим лаем. Никогда ни до, ни после не слышал я такой радостной собачьей переклички.

1969 – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

СЮЖЕТЫ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА. *Ольга Постникова*3

I. СТИХОТВОРЕНИЯ

«Вновь запевает ранняя птица...»	13
«Осень...»	14
Старинный фарфор	14
Летний сад	15
Оттепель	16
Лютеранский Сочельник	17
Пасха 1957	18
Попутчики	19
«Сколько их было...»	20
Дядя Витя	21
Дядя Яков	21
Груз памяти	22
Повезло	23
«Радость первого снега...»	24
«Самые хорошие улыбки у тех...»	24
«Детство – дом...»	24
«Бог дал тебе...»	25
«Утро. Звон колокола за рекой...»	25
«С дерева жизни...»	25
«Нужно было прочесть...»	26
«Новое тысячелетие...»	26
«Дети изгнанных...»	26
«Самое обидное...»	27
«Огни загораются...»	27
«Не могущим взлететь...»	27

Прогресс	28
«Противники владения оружием...»	28
Эхо охоты	28
«Все критики сходились на том...»	29
«Я на свет появился случайно...»	29
«Сознаешь лишь с годами...»	30
«Ночь всегда далеко...»	30
«О ветер пустыни...»	31
Зимнее Кунцево	32
На рок-концерте	33
«Из пяти чувств доверяю лишь зрению...»	33
Разделенное горе	34
«Рассказываешь мне о своих снах...»	35
Миражи	36
«Жизнь – игра!...»	37
«Договор со смертью...»	37
«Жизнь замедляет шаг...»	38
«Не раз убеждался...»	38
«Муравьи нового века...»	39
«Жизнь – владение малым...»	39
«Беспризорные дети...»	40
«Диктатора изображали в кино там...»	40
«Библиотеки в странах тиранов...»	40
В ночь на Святого Николая	41
«Материнским костям...»	41
Утешение	42
«У немецких кафельщиков свой жаргон...»	42
«Вновь приехал в Таллин через пять лет...»	43
Бросить музыку	43
Мой сад	44
«Мир не остановится...»	44
Чаепитие у восточных фризов	45

«На парад «Бессмертного полка»...»	46
«Отжившие идеи, затонувшие корабли...»	47
«Додуматься надо...»	47
«После всего пережитого никакой усталости...»	48
Конец истории	49
«Все прожито, все пережито, ныне...»	50
Сон	50
«Продержался...»	51
«Делающий добро не знает об этом...»	51
«Реки...»	52
В парке	52
Александр Радашкевичу	53
Вымирающее животное	54
Израильтянка	55
Сила стояния	56
Данциг	57
«Коллективная вина...»	58
«У чужбины есть все...»	58
«Отпусти из души своей...»	58
«Голая правда...»	59
Арво Метсу	59
Красота безобразного	60
Гипотеза	61
Германия 1945	61
«Традиции...»	62
Сибирь	62
Формулы счастья	63
Пандемия	63
«То черкнёт пару строк старый друг...»	64
«Барменша за стойкой...»	65
Наступит день	66

ИЗ КНИГИ «СТИХИ О ЛЮБВИ»

Каталонский вечер	67
На мотив древнеегипетской надписи	68
«В неразделенной любви...»	69
«Где-то совсем далеко...»	69
«Лишь мой взгляд...»	70
«По утрам к твоему изголовью...»	70
«Великих деяния...»	71
«Чтобы ночь любви удалась...»	71
«Она ушла...»	72
«Трава, на которой мы валялись в последний раз...».....	73
«Вечная тайна жизни...»	73
«Время как пыль, как пепел...»	74
«Любовь с женщиной...»	74
«Лежа на краю кровати...»	75
«Не надо метафор...»	76
«Ее любовь как неожиданный оазис в пустыне...»	77
«Любовь, которой нельзя быть...»	77
««На исходе дней моих...» – эту фразу...»	78

II. СТИХИ В ПРОЗЕ

На мотив Шуберта	81
Свадебное платье прабабушки	82
Горный отель у подножия Маттерхорна	83
В электричке	84
Кошка под деревом	85
Горечь сумерек	86
Щегол	86
Турниры щеглов	87
Та же природа	88
Паук	89

III. МАЛАЯ ПРОЗА

Последний автобус	95
Подмосковное утро	96
Телефонистка	97
Кризис	99
12 апреля 1961 года	101
Тетя Нюра	103
Вот тогда... ..	103
На охоте	104
Из путеводителя	105
Задержка рейса	106
Не просто озабоченность	109
В больничной палате	110
По-деловому	110
Через год	111
А это ничаво	111
Авось пригодится	112
«Познань – Гданьск»	113
Руки не дошли	114
Из «Бесед с А. В. Щекин-Кротовой»	115
Даная	118
Армянский сосед	120
Методы воспитания	121
Родной подвал	122

IV. ОЧЕРКИ

Волшебное слово	125
Отцы телевидения	128
Кабан – это вам не свинья	130
Червонный сеятель	134
Минута молчания	138

Литературно-художественное издание

Вальдемар Вебер

ФОРМУЛЫ СЧАСТЬЯ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Дизайн и вёрстка Максим Горшков

Подп. в печать 29.06.2022. Усл. печ. л. 8,5

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1

Гарнитура «Liberation Serif». Формат 60×84/16

Заказ № 675

Издательство «Летний сад».

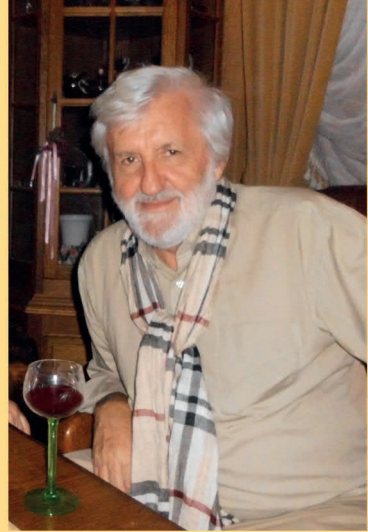
Москва, ул. Даниловский Вал, 13А.

www.letsad.org. E-mail: letsad@mail.ru

Книга отпечатана в мастерской

им. Геннадия Фадеева

Москва, ул. Даниловский Вал, 13А.

Стихи Вальдемара Вебера – всегда переживание какой-то доверительной вести, пробуждение состояний поэтической молодости. То, что он пишет, мне интересно всегда. Это искренне и адекватно. Сюжеты от первого лица, тайны биографий. Сдержанность и недоговоренность, зажигающие в читающем его собственные воспоминания. Отказ от любой словесной и смысловой игры. И – для меня главное – у автора самый большой «спрос» – с себя...

Ольга Постникова